Лариса
РУБАЛЬСКАЯ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ОДНОМ ТОМЕ

Лариса Рубальская

Собрание сочинений в одном томе

«Эксмо»

2012

Рубальская Л. А.

Собрание сочинений в одном томе / Л. А. Рубальская — «Эксмо», 2012

Лариса Рубальская, о чем бы ни говорила на концертах, в телевизионных программах, – всегда ведет задушевный доверительный разговор с читателями, слушателями. Этим, наверное, и объясняются неизменная любовь и постоянство ее читательской и зрительской аудитории. В это одно из наиболее полных собраний произведений автора вошли песни, стихи и рассказы Л. Рубальской, уже полюбившиеся публике и совсем новые.

© Рубальская Л. А., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

И это все мое 7
- Все сначала 7
- Девочки-припевочки 9
- Эстрада прошлых лет 19
- Жизнь прожить 20
- Я не помню 21
- Там, на вираже 22
- Полярник 23
- Опоздавший 24
- Марсианин 25
- Ковбой 26
- В городе Эн 27
- Похоже на любовь 28
- Я завелась 29
- Я боялась 30
- Учитель рисованья 31
- Кажется порой 32
- Белая ворона 33
- Вечер был, сверкали звезды… 34
- Романова Ленка 35
- Ночь разбилась на осколки… 42
- Белый катер 43
- Посерединке августа 44
- Растворимый кофе 46
- Лесные пожары 47
- Брызги шампанского 48
- В апельсиновом саду 50
- Возраст любви 51
- Голубой ангел 52
- Давай поженимся! 53
- В день, когда ты ушла 54
- Зимнее танго 55
- Зажигалка 56
- Исход 57
- И стар, и млад 58
- Зимний вечер 59
- Коварство и любовь 60
- Кепочка 61
- Кенгуру 62
- Милиция 63
- Ночная кукушка 65
- Новый год 66
- Ну что он смотрит? 68
- Она была с глазами синими 69
- Она любила бланманже 70
- Остывший пляж 71

Летучая почта 72
Отечество 73
Пульт 74
Пустые хлопоты 75
Это сладкое слово – свобода 76
Паразит 77
Близкая весна 79
Последний бал 80
Хочу продолженья!!! 81
Ну и что ж? 82
Так и быть… 83
Мне все равно 85
На сеновале 86
Арифметика простая 87
Боярышник 88
До свиданья 90
Эпизод 91
Нахал 92
Как недавно, как давно 93
Бывает… 94
В первый раз вдвоем 95
Хризантемы 96
Сезон любви 97
Курортный роман 98
Пой, цыганка 99
Половинки 100
Всякое бывает 101
Постарайтесь забыть 102
Виртуоз 103
Не надейся, дорогой 104
Кто сказал… 105
Небылица 106
Секс 107
Подлец 108
Застольная 109
Блондин 110
Александр… 111
Гвоздики 113
Пропадаю… 114
Привыкай 115
Ворюга 116
Белый китель 117
Как никогда 118
Приходите, женихи! 119
Разлука для любви 120
Менуэт 121
Фея 122
Забытые истины 123
Я любила тогда трубача… 124

Признание в любви 125
Мне тридцать лет, а я не замужем… 126
Невеселая пора 128
Лунный сад 129
Синица 130
Отель «Шератон» 131
Старый трамвай 132
Время 133
Посланник добра 134
Гусиное перо 135
Сонет 136
Во все времена… 137
Олеша 138
Петр I 139
Венецианская серенада 140
Юбилей концертного зала «Россия» 141
Любовь безответная 143
Пьеро и Арлекин 144
Ах, маэстро! 145
Место под солнцем 146
Новый бойфренд 147
Лодочка 148
Хочу! Хочу! Хочу! 149
Овен 150
Говорят, под Новый год… 151
Я не зову тебя назад 152
Арине Крамер 153
Кинотавр 155
Эдуарду Успенскому 156
Позади печали 157
Вызов стюардессы 158
Конец ознакомительного фрагмента. 159

Лариса Рубальская
Собрание сочинений в одном томе

И это все мое

Все сначала

Она подошла ко мне на автобусной остановке, посмотрела внимательно, потом вдруг протянула руку, дернула меня за волосы и печально так сказала: ну вот и проспорила.

Хотя я про себя ничего такого особенного не воображала, но все же глупо было бы не отреагировать: девушка, почему вы так странно себя повели – подошли к незнакомому человеку, за волосы дернули? Как это понимать?

А она: – Ой, Ларис, я что-то не подумала, вы так часто по телику, ну совсем своя. А у нас девчонки на работе поспорили – кто говорит, что у вас парик, потому что свои волосы так не лежат, а кто – что просто вы укладку каждый день делаете. Ну я из тех, кто про парик думает. Выходит, мы торт проиграли… Меня Света зовут.

Напишите вот тут что-нибудь, а то девчонки не поверят, что я вас так, на остановке встретила. Мы думаем, что такие, как вы, только на машинах крутых ездят. Надо же, мне как повезло!

Пока Света тараторила, я ее разглядывала. У меня вообще привычка такая – разглядывать, расспрашивать. Причем, задавая вопрос, я уже примерно знаю ответ. И почти никогда не ошибаюсь. Наверно, из-за большого жизненного опыта. Сразу вижу – одиноки ли, сколько лет (как бы ни была накрашена), откуда приехала – по речи слышу. Одним словом, могу цыганкой наряжаться и промышлять гаданием. Свете было лет двадцать восемь, но выглядела она помоложе. Я разглядела в ней неудачное недолгое первое замужество, после которого последовал роман с женатым мужчиной, недавно закончившийся и до конца еще не отболевший. Еще угадывалось, что не все потеряно, и скоро появится новая любовь, в которую Света пока еще не верит.

Мне захотелось проверить свои догадки, и я, сама не знаю почему, позвала ее выпить по чашечке кофе в кофейне неподалеку. Света смутилась, но минут через двадцать мы уже сидели друг против друга и болтали, как старые подружки.

Переворачивать кофейную чашечку, чтоб погадать на гуще, Свете не пришлось, потому что я так точно описала ее прошлое, что в предсказания на будущее она тут же поверила.

На мой концерт Света привела всех своих девчонок, которые тогда на торт поспорили. И они все смеялись, когда после концерта пришли ко мне в гримерку, а я ждала их, напялив специально принесенный парик. Торт уже был нарезан, чай разлит по чашкам. Выходило, что никто не проспорил – и свои волосы лежат хорошо, и парик к лицу.

Они все его по очереди померили и взяли потом на память – мои новые подружки, пять аварийных девчонок, уже переживших, уже настрадавшихся, ожидающих и надеющихся. На прощанье я им сказала – главное, дождаться мая. А потом само покатит.

Света иногда звонит мне, и я знаю, что УЗИ показало, что у нее будет мальчик, что токсикоз очень измучил, и Игорь за нее и будущего сына очень волнуется. Конечно хорошо, что сынок, а если б девочка была, она бы назвала ее Лариской. Правда, имя сейчас не модное, но ведь это все я ей напророчила, и все сбылось.

Таких историй я могла бы рассказать очень много, и все они были бы со счастливым концом, потому что я хочу вам напророчить радость.

А плохое, и даже очень страшное, бывает в каждой жизни. И никуда от этого не денешься. Но мне-то зачем об этом писать?!

Предупреждаю всех сразу – не будет ни в рассказах моих, ни в стихах ни смертей, ни убийств, ни наркоманов, ни алкоголиков. И воров тоже не будет, и детей никто в доме ребенка не оставит, и друга не предаст.

Правда, разведенки попадаться будут, мужики-паразиты, соседки вредные. Вот и все. Ничего интересного. Но я хочу, чтоб именно так и было. А я просто так ничего не говорю. Про Свету помните? Вот так.

Девочки-припевочки

Городок Петраково на карте ищи-свищи. То есть нет такого городка. А вообще-то он есть. Вернее, не городок, а поселок городского типа. Это значит, что среди деревянных развалюшек есть два железобетонных дома, как в городе. Да еще школа двухэтажная кирпичная со спортивным залом на первом этаже. И там иногда проводят школьные вечера, и магнитофон крутят, и встают все ребята как бы в две очереди – одна за Внуковой, другая – за Клыковой.

Валька да Олька – две красавицы школьные, талии тоненькие, грудь торчком, обе – синеглазки. Правда, у Внуковой Ольки волосы волнистые, а у Клыковой Вальки – прямые. И за Олькой очередь чуть-чуть подлинней. А еще поют обе, как настоящие артистки. У Ольки голос высокий и протяжный, а у Вальки – низкий и глубокий. Они обычно песни пополам делили – заступала Олька, допевала Валька. А припев пели вместе, и это было самое красивое в песне место.

Они сами себя прозвали «девочки-припевочки», а пацаны, когда красавиц поделить не могли, грубовато про них говорили: девки-припевки.

Иногда даже дрались влегкую, кому с кем танцевать. А Внукова с Клыковой смеялись и радовались, что мальчишки так из-за них разоряются.

Девочки дружили с детского сада, как сестрички-близняшки неразлучные. И мальчишек поделили поровну. Ну почти поровну.

А когда на выпускном вечере аттестаты получили – оказалось, что и отметки у них одинаковые. Правда, у Ольки на одну пятерку больше.

Когда школьные годы отлетели в прошлое, решили вдвоем в Москву поехать – учиться. Обе хотели портнихами стать – листать модные журналы они очень любили. Перед самым отъездом у Клыковой Вальки мать с сердечным приступом слегла, и Валюшке пришлось в Петракове задержаться – младшие сестренки еще маленькие, их кормить надо, а маме врачи велели хоть недельку с постели не вставать.

Ну, подумаешь, неделя – Олька первая в Москву поедет, на разведку, а Валька через недельку ее догонит.

* * *

Олька Внукова прямо с вокзала позвонила знакомой, тоже петраковской, Тамаре Звягинцевой. Тамара землячкиному звонку обрадовалась, к себе позвала. Все-таки хорошее слово «братство». Хоть Олька с Тамарой женского пола, но ведь слова «сестричество» нет, а есть «братство». А это значит – друг другу помогать и в беде не оставлять.

Хоть Звягинцева из Петракова давно уехала, в Москве замуж вышла, работала в одной богатой семье домработницей и деньги приличные там зарабатывала, все ж своих, петраковских, не забывала. И, увидев Ольку, обещала тоже помочь устроиться.

На другой день Звягинцева своей хозяйке Миле рассказала про Ольку, и Мила, тоже обожавшая моду, сказала, что позвонит знакомому кутюрье и спросит, где на портних хороших учат.

Кутюрье этот, Эдик Монахов, как раз класс набирал, и Ольку Внукову тоже набрал, и стала она его ученицей, комнату недорогую сняла и начала портняжную науку постигать.

Эрик на девушек особенно внимания не обращал, только на манекенщиц своих поглядывал во время примерок да модных показов, но это так, в связи с профессией. А в жизни женский пол ничего для него не значил. И поэтому то, что он к Ольке все время подходил и что-то объяснял, поправлял чаще, чем других, никакой возникшей симпатией мужчины к хорошенькой девушке не объяснялось. В его внимании была совсем другая причина – разгля-

дел он в Олькиных выкройках и стежках какой-то необычный талант. И довольно скоро Олька стала для Эрика человеком незаменимым.

А в салоне всегда было весело, красиво, пахло кофе, который постоянно кто-нибудь пил. И разговоры важные – Монахов человек популярный, и московские модные дамы с удовольствием проводили у Эрика время, листая журналы, теребя ткани, болтая о том, о сем.

Для примерок самым важным и капризным заказчицам Эрик всегда вызывал Ольку. Внукова была немногословна, нелюбопытна, и заказчицы всегда были примеркой довольны. И у Ольки было всегда на душе хорошо, хотелось постоянно что-нибудь напевать, но мешали булавки, которые она не вкалывала в специальную манжетку, а по старой петраковской привычке сжимала в зубах.

* * *

Вместо недельки клыковская мать пролежала около четырех месяцев, потому что приступ оказался инфарктом, и на Валюху свалилось сразу очень много забот – и младшие, и огород, и к мамке в больницу бегать.

Валентина скучала по своей подруге и считала дни, когда в Москву Ольку догонять поедет.

Как-то войдя к маме в палату, Валя столкнулась глазами с молоденьким то ли доктором, то ли студентом-практикантом. От столкновения получилась искра, которая одновременно прожгла насквозь и Клыкову, и этого медика.

Медик действительно оказался молодым врачом Митей, приехавшим в петраковскую больницу на преддипломную практику.

Митя, когда ставил Валиной маме капельницу, никак не мог в вену иголкой попасть, и только с шестого раза цель была достигнута. Мама сжала зубы и терпела, а когда лекарство по венам побежало, вообще Мите заулыбалась, а про себя подумала – хороший парень, старательный. Вот бы моей Вальке такого мужа.

И только она это подумала, как Валька в палату влетела, ну а дальше уже известно, что получилось.

Искра быстро разгорелась в костер, и костер этот спалил дотла Валюхину мечту о Москве, а наоборот, ей стал Петраков казаться самым счастливым местом на земном шаре.

Митя, – чем в перекошенной избе у местной старухи угол снимать, – переехал в дом к Клыковым. К концу лета оказалось, что у Клыковых скоро появится еще один обитатель – мальчишка или девчонка. Правда, сам Митя к осени должен был в Москву, в свой институт возвращаться. Он метил после диплома в аспирантуру и усложнять жизнь женитьбой, да еще мальчишкой или девчонкой, в его планы не входило.

Валькина мама от болезни своей оправилась, в прежнюю силу вошла. На дочку она не сердилась и ни в чем ее не упрекала, потому что Валя, выходило, в точности повторяла ее судьбу. Ведь дочка так красиво пела не просто так, а потому, что однажды, семнадцать лет назад, в Петракове один эстрадный коллектив концерт в школьном зале давал. Приехали артисты всего на полтора дня, но солист выпил после концерта, а потом Валина мама его два дня рассолом отпаивала. Он оклемался и рванул гастроли продолжать. Так и не узнал, что в Петракове девочка-припевочка, дочка его, в невесту превратилась. Потом мама, хоть с маленькой Валюшкой, но жизнь свою устроила, замуж вышла и еще двоих родила. Правда, когда младший только ходить начал, муж куда-то на заработки подался и уже несколько лет вестей не подавал. Кто-то из петраковских где-то его видел, говорят, выглядит хорошо и одет богато.

Так что, Валюшка когда родит, будет в семье уже не двое, а трое малышей. Ничего страшного.

* * *

– Валь, ты что, с ума сошла, Анжеликой девку назвать хочешь? Наши, петраковские, засмеют. Вот что, дочь ты у меня Валька, а внучка будет Галька. Подрастет, петь с тобой будет, представляешь – у нас самодеятельность будет, и на концерте скажут: а сейчас Валя и Галя Клыковы выступают. Красиво, как по телевизору. Ольку-то ты свою, небось, уже не догонишь, вот и будешь с Галькой песню делить, а припев вместе выводить будете. И опять все на вас говорить будут – девочки-припевочки. О том, что Валя все мечтает о Москве, мать ее даже и не думала – дите ведь родилось, поднимать надо.

* * *

Колечки дыма летели под потолок, утро только начинало свое пробужденье, заказчиков еще не было, Эрик должен был из Парижа вернуться только к воскресенью – можно было покурить, ведя ленивый разговор с другими девчонками. Ольга любила эти утренние часы. Она была уже давно здесь главной, обшивала саму Милу Майскую – ту самую, которая ее сюда привела.

Мила была богатой и доброй, что бывает не так уж часто. Она никогда не приходила с пустыми руками – то пирожных каких-нибудь притащит, то винишка некрепкого, вкусного, то подарочек Ольке – косметичку или платочек.

Можно сказать, что они уже стали близкими подругами, Мила часто заезжала без дела, просто так, с Ольгой покурить. В последнее время Ольга сама придумывала ей наряды, сочетая несочетаемое. Выходило потрясающе красиво, а Эрик Монахов получался как бы в стороне.

Как-то однажды Мила приболела и позвонила Ольге, чтоб приехала навестить. До этого Олька никогда в таких домах не бывала. И хоть Звягинцева Тамара этот дом не раз расписывала, на самом деле он оказался еще более грандиозным, красивым, богатым.

Мила лежала, прикрытая пледом, покашливая и почихивая, Ольге обрадовалась, Тамара кофейку принесла. Но присесть и попить кофе вместе с ними Мила ее не пригласила, и Оля поняла, что в доме этого делать не полагалось. И сама Олька чувствовала себя как-то не так, и разговор был не таким, как обычно там, в салоне.

В первый раз Мила завела разговор о личной жизни – Оль, ты такая красивая, а никогда тебе при мне никто не звонит. Неужели ты одна?

– Да, была одна до вчерашнего дня – вся в работе, бегом-бегом. А ты как в воду смотришь. Как раз вчера бежала, поскользнулась и упала. Наверно, было бы очень больно, если бы меня не поднял Олег. Представляешь, как жонглер какой, раз – и в тот миг, когда я должна была долбануться головой об асфальт, он откуда-то взялся и подхватил меня, я его как увидела, про боль забыла. Ну, и как в кино, – поднял, проводил до дома, долго стояли у парадного, болтали, расставаться не хотелось, ну и не стали. Представляешь, как его красиво зовут – Волоховский Олег. В. О. И я В. О. – Внукова Ольга. Похоже, судьба. Вот сейчас у тебя еще полчасика посижу и помчусь. Вечером с ним куда-нибудь ужинать пойдем. Да, чуть не забыла главное – он, правда оказалось, жонглер. Из цирковой семьи – жонглеры Волоховские. Ой, Мил, боюсь сглазить, но что-то будет, что называется красивым словом «любовь». Ты, Мил, первая, кому я это рассказала.

Мила радовалась за Ольку, обещала не сглазить, подтвердив это троекратными плевками через плечо. Потом пошла в гардеробную, принесла Ольге сумочку самой, какой ни на есть, высокой моды – на, пусть твой жонглер видит, какую девушку встретил. Если он, конечно, в высокой моде понимает.

Ольга потом, когда свои вещички дома в новую сумочку перекладывала, увидела внутри чек – сумочка стоила 840 долларов. Ничего себе! Да, Милка, хорошо иметь мужа-нефтяника.

* * *

Роман развивался так стремительно и так жарко, что Олька забыла обо всем на свете и даже чуть не уколола на примерке булавкой капризную и вздорную клиентку.

Иногда звонила подружка, петраковская девочка-припевочка, Валька Клыкова, рассказывала, что Галка, доченька ее, уже вовсю болтает и даже песенки петь научилась. Еще Валентина говорила, что соскучилась очень по Ольке, и на работе, в петраковской больнице, ей, санитарке, платят мало, а алиментов на Галку она не получает, но голодными они с мамой и малышами не сидят, крутятся как-то.

Об Олеге Ольга Валентине не рассказывала, сама не знает, почему. Разговор всегда заканчивался на том, что вот поднимет Валька Гальку и приедет в Москву, и если портнихой не получится, то хоть кем.

* * *

Олег еле втащил чемодан в дверь их небольшой квартиры. Гастроли в Японии оказались длиннее, чем он думал, и вместо одного, Олега не было дома два с половиной месяца. Имя сынишке придумывали по телефону, чтоб с отчеством Олегович красиво выходило. Ольгу из роддома забирали Мила и Тамара Звягинцева. Эрик потом домой заезжал, над малышом ахал – ой, какой хорошенький, а пиписька какая розовенькая! Арсений Олегович как будто понял, пиписькой шевельнул и Эрика описал, что означало: придется Монахову у Арсения на свадьбе гулять.

Олежка, не раздеваясь, подбежал к кровати малыша, взял сына на руки и затанцевал по комнате – мой, мой сын, Арсений, Арсений Олегович Волоховский.

Ольга счастливо смеялась, вскрикивала, когда движения мужа казались ей неосторожными – ой, Олежка, смотри не урони, слышишь, не жонглируй ребенком.

Из чемодана посыпались одежки, игрушки, разная японская красота. Для Ольги только ничего не высыпалось – все только Арсению.

* * *

Когда Олег сломал руку, Ольга поняла, что надо срочно возвращаться на работу. Никакого капитала у них сколочено не было, тем более что квартиру купили, слава богу, долги вернули всем, так что надо Олежку и Арсения кормить.

Мать Олега согласилась приходить к детям каждый день – ухаживать за Олегом и внуком.

Эрик Монахов и все девчонки были рады возвращению Ольги, рассказывали новости и сплетни о клиентках. В первый раз Ольга подумала, что они как-то разошлись с Милой. Никаких причин для ссоры, да и самой ссоры не было. Но почему-то после рождения Арсения они всего раза два поговорили по телефону и как будто забыли друг о друге.

Ольге некогда было анализировать эту ситуацию, дел было много, радость в лице нового человечка заливала ее душу, и печальным размышлениям в ней не было места.

Причина-то на самом деле лежала с краю – у Милы не было детей. И каждый раз, узнав о беременности кого-то из подруг, Мила испытывала чувство горя. Говорят, человек привыкает ко всему! А Мила привыкнуть к своей бездетности не смогла. Она перепробовала все возможные и невозможные методы, перележала в лучших больницах, и все безрезультатно. Вот как

бывает: все у человека есть – красота, деньги, добрая душа, а детей нет. И больно о детях говорить, и больно на них смотреть, а когда узнает о чьей-то беременности – боль, ожог, слезы. И на время уход в себя. Пока душа не успокоится и не смирится с чьим-то счастьем.

Но когда Мила пришла в салон и увидела Ольгу, она бросилась к ней, как к самому родному человеку. Ольга была счастлива возвращению в прежнюю жизнь и показывала всем фотографию голопузого Арсения.

* * *

Олег болел долго, рука не срасталась, ее ломали и снова клали в гипс. Он скучал, слонялся по квартире без дела, читать не хотелось, даже к Арсению появилось какое-то равнодушие. По ночам ему снился цирк, и рука во сне была не сломана и ловко подбрасывала и ловила разные предметы.

С какого момента у них с Ольгой разладилась жизнь, ни он, ни она не заметили. Просто Оля допоздна сидела в своем салоне – рисовала, придумывала, примеряла и домой совсем не торопилась.

Олег со свекровью объявили Ольге, что надо подыскать детский сад, и однажды Оля, придя домой, Олега не застала, а свекровь как-то боком подошла, поцеловала малыша, положила ключи на стол – Олька, живи без нас – и ушла. Наутро Оля на работу пойти не смогла. Первая спасительная мысль – Мила. Мила, куда мне Арсения девать? И закрутилось колесо – звонки, перезвоны, анализы и престижный детский сад недалеко за городом, санаторного типа, только по выходным сыночек дома, а няньки приходят свататься все какие-то неподходящие.

* * *

– Валька, бери Гальку, приезжай. Будем опять вдвоем, растить ребят, что-нибудь с деньгами придумаем. Я зарабатываю прилично, на еду нам хватит. Буду вкалывать, а ты с ребятами дома сидеть. Я тебе зарплату даже платить буду, как в Москве няням платят. И мы петь с тобой по вечерам будем, и создадим группу новую – «Девочки-припевочки», продюсера классного найдем, в шоу-бизнес двинемся, приезжай, Валь!

Валюшка письмо Ольгино прочитала, прикинула все за и против, упаковала свои и Галькины вещички и, наконец, в Москву!

– Ой, ты такая же, Валька, только еще лучше стала. Поправилась, а тебе идет. Неужели с тех пор одна? Да не верю, наверно, все петраковские ребята об тебя глазки поломали. Вот я тут тебе одежду пошила, наряжайся.

– Олька, Олька, как давно мы не виделись, я по тебе скучала. Как хорошо, что все так вышло. Дети у нас, а мы красавицы-одиночки. Все сначала, да, Оль? Ты первый куплет, я второй, а припев – вместе.

До утра плакали, смеялись, курили, коньячку друг дружке подливали… И покатились недели…

* * *

Вальке иногда казалось, что это она Арсения родила – так полюбила мальчишку. Жалко, конечно, что Галька заскучала по бабушке и запросилась обратно, в Петраково. Но, с другой стороны, спокойно – Галька с бабушкой и Валькиными сестричками, сыта и ухожена. А она здесь, у Ольги – уберется, постирает, приготовит, с Арсением погуляет, телик посмотрит – и день пролетел.

Ольга-то очень занятой человек. Мила, подруга ее крутая, для Ольги салон новый открыла, в здании со стеклянной крышей, и наверху красивый вензель они повесили – «В. О. студия». Так здорово получилось – во! – в смысле здорово, и в то же время – Внукова Ольга. Да, кстати, Оля Валюшке зарплату прибавила и разрешила дочке в Петраково звонить за ее счет. И еще разрешила Валюшке все свои одежки носить, когда она захочет. Единственное, что изменилось, это то, что Ольга Валюшку больше Валькой не называла, а себя велела тоже только Ольгой звать, а при посторонних – Ольгой Васильевной. А так все как было. Нет, не все – они петь вместе перестали – некогда.

* * *

– Ой, Валентина, устала я, надо куда-нибудь рвануть, в тепло, конечно, и вы с Арсением со мной. Как насчет Турции?

Пальмы занимали полтерритории отеля, море в двух шагах, рядом базар с недорогими вещами – рай, да и только. Вечерами – аниматоры для детей и танцы для взрослых. Каждый шаг отдыхающих снимал на пленку смуглый симпатичный турок Али. У бассейна, в ресторане, на пляже – щелк, щелк, щелк. Понравится – выкупайте свои фотки, не понравится – не берите.

А на танцах Али диджеем был, музыку крутил.

Арсений с Ольгой и Валентиной на танцы оставался, сбоку крутился, в такт музыке.

На третий день отдыха, когда уже кожа у всех троих позолотилась и пощипывала, малыш на танцах вдруг стал хныкать – пойдемте в номер.

– Пойдем, пойдем, – Ольге уходить не хотелось, но повелитель ее сердца тянул за руку, и она, шепнув Валентине, что сейчас разденет его и вернется, сдалась сыночку и пошла с ним в номер.

Оказалось, что Арсений спать совсем не хочет, а, наоборот, хочет узнать, почему птицы, когда летают, крыльями машут, а самолеты – нет. Объяснение этого явления вызвало еще очень много попутных вопросов. Ольга выдумывала ответы, не всегда их зная на самом деле, море мерно шуршало за окном, и в какой-то момент они оба заснули. Ольге снился диджей Али с его горячим каштановым взглядом. Сон был таким сладким и стыдным, что Ольга огорчилась, когда ее разбудил звук открывшейся двери и свет из-за приподнявшейся от дуновения шторы.

Ой, только легла, а уже утро! Ольга повернулась и увидела, что Валентина уже одета – ой, когда ты успела встать, я и не заметила, когда ты пришла.

– Ольга, Олька, я такая счастливая, – Валентина глупо закружилась посередине комнаты – я думала, что так бывает только у других. Ой, пропала ты, Валька Клыкова, в плен турецкий попала.

Еще минуты две понадобилось Ольге, чтоб понять, что не оделась Валька, а только что пришла. А раздевалась она не здесь, в номере, а там, на пляже, когда все разошлись спать. Все, кроме нее и Али. И сбылся у Вальки Олькин сладкий и стыдный сон.

* * *

Что за ерунда – еще вчера море было таким нежным и теплым, еда обалденной, пальмы райскими. А сегодня все изменилось – песок насыпается в босоножки и трет ноги, кормят черт-те чем, пальмы пыльные – хоть бы их из шланга помыли! Арсений все время ноет, а Валентина, домработница, забыла, что ее взяла Ольга в Турцию на свои деньги, за мальчишкой смотреть. А она любовью занялась с этим турком, совсем обнаглела. Ольга лежала на животе и плакала. Арсений летал с горок в детском аквапарке, Валентина его ловила, они визжали, смеялись. И Ольга им, выходило, не нужна.

Вечером все повторилось – танцы, Али. Но только Арсений тянул за руку Валентину – пойдем домой. – Иди, малыш, с мамой – Валентина явно что-то перепутала в этой жизни, даже ничего придумать не может. – Иди, Арсюша, я позже приду.

– Вот так. Ладно, Валька, бери турка, две недели быстро пройдут, я потерплю, а потом ты узнаешь, кто в этой жизни на троне царица, а кто девка половая.

* * *

Арбузно-дымный сентябрь разбрызгивал мелкие капли дождя. Московская жизнь снова потекла своим чередом, только Валька все время что-то забывала – то будильник не завела, и Ольга чуть в салон не опоздала на примерку одной очень важной клиентки. То Арсению капли вовремя в нос не закапала, то вдруг петь громко начинала, когда Ольга, усталая, домой с работы приходила. И вообще уже почти год в Москве, а ничему не научилась, и говорит как-то по-деревенски, и ест слишком быстро, и вообще одна наглость сплошная – Ольга раздражалась все больше и больше. А уж когда достала из почтового ящика счет за междугородние звонки!.. И код на бумажке был совсем не петраковский, а какой-то четырехзначный. И разговоры почти ежедневные – Али! – это ему эта дура бесстыжая названивает! А кто платить будет? Она, Ольга? Нет уж, конец терпению – и одеваю, и кормлю, и по заграницам вожу, а она? Никакой благодарности. Пусть в свою деревню, в Петраков этот вонючий катится!

* * *

– Мил, представляешь, – и подробности все подруге, и от слез не удержалась, – такой оказалась свиньей. Больше терпеть не могу. Только пацана придется в детский сад отдавать, а он там болеть будет все время. Но, Мил, как я могу ей все прощать? И вещи мои еще, нахалка, носит. Вчера подхожу к дому, а она с Арсением на лавочке в сквере сидит, книжку они, видите ли, читают. И в моей новой замшевой куртке, представляешь? Нет, все, пускай к мамке своей чешет. Не буду я на нее пахать. Ну, Мил, что ты молчишь?

Мила хорошо понимала, что с Ольгой происходит. Увела у Королевы Короля из-под носа простая садовница. Променял Король ее на простую девку. И как ей объяснить, что это все пройдет. Ну, подумаешь, турок вместо Ольги Вальку трахнул. У него таких Валек в каждом заезде отдыхающих по десять штук. Стоит ли из-за такой ерунды подруге мстить? У Милы у самой нефтяник – не сахар. Домой приходит, хоть бы в зеркало в прихожей посмотрел да чужую помаду стер. Да и не думает он, как жену не расстраивать. У него деньги, у него власть. Терпи, женушка, если жить хочешь богато и красиво. Она и терпит. А тут, подумаешь, турок – жизнь-то ломать!

* * *

– Маша! Бабуль, мама приехала! – Галька неслась навстречу Вальке, растопырив пальцы. – Ура! Ой, правда, ура! – Валентина закружила дочку, как дома-то хорошо!

Мать расспрашивала Вальку – как там в Москве Олька-то живет? Замуж снова не собирается? А мальчишка на нее похож? А ты что, Вальк, в отпуск? Как, насовсем? А и ладно, мне одной с тремя ребятишками трудновато, а теперь ты дома, как хорошо!

* * *

– Спи, Арсений, я с тобой с ума сойду, – Ольга сердилась на сына и сама на себя. Ну почему у других все нормально – мужья, любовники, а у нее одна работа, сын все время простужается, и с ним некому сидеть! Да еще салонов в Москве – пруд пруди. Эрик – вон какой дворец отгрохал, и по телику во всех передачах о своем салоне твердит – мой салон, мои мастера, мы в Париже, мы в фигиже! А Милка Майская вчера заехала в новом костюме, а когда курили, жарко стало, она жакетку сняла, а на изнанке лейбл – MONAHOV! Тоже у Эрика шить снова стала. Что же, Ольга уже не та? Если уж Милка от нее уйдет, то хоть салон закрывай!

Правду говорят – в жизни все одно к одному. Так на душе тяжко, а поговорить не с кем.

Мать в Петракове работает целыми днями, писать стала редко, от Ольги отвыкла уже, ведь за все эти годы дочка ни разу не приехала, только фотографии присылает. Сначала Олька хоть звонила иногда, а сейчас перестала – видно, в городе загордилась, крутой стала.

Олька сидела у зеркала, смотрела на себя – красивая, одни глаза чего стоят, да на кого этой красотой смотреть? Волоховский один всю охоту отбил, да еще Али этот, турок несчастный, жизнь отравил. Только сыночек – радость, но он еще маленький, ему всего не расскажешь.

* * *

– Верунь, ты? Ошибся? А я и слышу – голосок не похож. Извините. А вас как зовут? Да не почему спрашиваю, просто так. Я однажды фильм смотрел – так там мужчина номером телефона тоже ошибся, так потом с ошибочной девушкой у него любовь началась. Классный фильм был. Так как зовут вас? Ольга? А я Виталий. Да нет, Веруня – это жена приятеля моего. Они меня сегодня в гости позвали, а я звоню, чтоб сказать, что не приду. Что-то настроения нет. Вернее, не было, а сейчас вдруг появилось. Оля, Оленька, пойдемте вместе! Веруня и Мишка такие классные, они вам понравятся. Ничего не сошел с ума. Да не хочу я про вас ничего знать! Ничем я не рискую. В том фильме же все хорошо кончилось. Сынишка спит? Так разбудите. Втроем поедем. Говорите адрес, я пошел машину заводить.

* * *

Съемочная группа из Москвы ходила по Петракову и ахала – какая натура! Как будто для нашего фильма кто-то специально декорацию построил. – Все, остаемся. Наберем из местных вспомогательный персонал и через недельку начнем съемку, – немолодой режиссер энергично размахивал руками, отдавая распоряжения. В школе освободили первый этаж – чтоб там группа жила, артистам тоже классы оборудовали так, что они стали выглядеть, как номера в гостинице.

Валентину Клыкову взяли реквизитором – костюмы гладить, всякие вещички нужные вовремя подготавливать да еще разные поручения выполнять. Одним словом, всем киношным хозяйством командовать.

Первое время Валька артистов стеснялась, потом привыкла и даже ко многим стала обращаться на ты. А режиссер, Василий Георгиевич, хоть его великим все называют, такой человек чудесный и простой, и Валька, видно, ему по душе – толковая, быстрая, симпатичная. Так хорошо ее называет – Валюня! Валюнь-Валюнь – целый день только и слышно. Валька крутится, работает и радуется. Как же все волшебно складывается, только жалко, еще месяц, и все уедут.

Съемки затянулись из-за погоды. Зарядили дожди, и пришлось пережидать. А когда съемки закончились, переезд Вальки на работу в Москву был делом решенным. У нее, оказывается, призвание есть – работать с людьми. Василий Георгиевич, режиссер, сказал, что, когда фильм закончит, в титрах будет написано – ассистент режиссера Клыкова Валентина. И на следующий свой фильм он тоже Вальку директором приглашает.

* * *

– Валюнь, – уже и мама так ее называть стала, – езжай, не волнуйся за нас. Галька уже большая, ничего мне с ней не трудно. А тебе жизнь свою налаживать надо. Тем более такая удача. Ты, когда в Москве жить будешь, Ольке-то позвони. Как-никак подружками были. Мало ли что в жизни случается?

Ну и позвонила, как мама советовала, и, услышав – Валька, приезжай ко мне, – сразу и поехала. Все-все ей Олька рассказала в ту ночь, и о Виталике случайном, и как они с ним к приятелю пошли, и как случилось у нее с ним, – догадалась. И образовалось сразу четыре несчастных человека – Виталий, во всей истории виноватый, Олька сама с разбитым сердцем и Мишка с Веруней – и разводиться не разводятся, и жить по-прежнему не получается. Она и сама этой истории не рада. И тут, как назло, с работой завал. Монахов, помнишь? – всех клиенток переманил, и Олька ничего придумать не может – хоть в петлю лезь.

– Олька, подожди, я сейчас ничего обещать тебе не буду, поговорю с Василием Георгиевичем, может, что-нибудь получится. Он фильм новый затевает, из прежней жизни, и ты, Олька, может, пригодишься костюмы придумывать. Нет, переезжать я к тебе не буду, не сердись. Василий Георгиевич с Надеждой Петровной круглый год на даче живут, у них квартира в Москве все равно пустует, а так я там живу, а заодно и порядок навожу. Знаешь, Оль, я думала, так не бывает – ведь кто они, а кто я? И как родные.

* * *

Ничего себе! Оказывается, половину фильма будут снимать в Париже! Давайте быстренько все по две фотографии на загранпаспорта – Валюш, завтра с утра в посольство французское дуй, визу надо быстро оформить, – Василий Георгиевич, как всегда, энергично махал руками.

В списке съемочной группы, выезжающей в Париж, значилось – ассистент режиссера Клыкова Валентина. Потом артисты, помощники, операторы, осветители, а в конце художник-костюмер – Внукова Ольга.

* * *

– Сенечка, мальчик мой, внучок мой сладкий, какой ты большой, ну иди к бабушке. Олька, да он на деда, отца твоего так похож! Радость ты моя ненаглядная! – Олька слушала маму и чуть не плакала. Какая же я дура, думала она про себя, чуть не потеряла все это – и городок родной, и всех-всех-всех.

– Мам, а давно новый клуб-то в Петракове построили? Сегодня концерт у вас? Ой, пойдем, а? И Сенька с нами, и Валька с Галькой и с малышами всеми, и с мамой тоже придут. А потом все чай пить у нас будем!

* * *

Галька и Арсений сидели чинно между бабушками и хлопали изо всех сил, когда завклубом Толик объявил: «А сейчас наши московские гости – шоу-группа «Девочки-припевочки» – Внукова Ольга и Клыкова Валентина – перед вами выступят».

Олька да Валька, девочки-припевочки, будущие парижанки фиговы, пели песню о том, что бывает такая женская дружба, которой ничего помешать не может. По куплету – то Олька, то Валька, а припев – вместе!

Эстрада прошлых лет

В жизни перемены неизбежны,
Уплывают вдаль года.
Память возвращает с грустью нежной
Нам былое иногда.

Голубой квадратик КВНа,
Линзой увеличенный слегка.
Голоса забыто-незабвенно
Долетают к нам издалека.

Но сегодня нам не взять билет
На концерт эстрады прошлых лет.
И эстрадный звездный небосклон
Звездами другими заселен.

Но былое в сердце постучит,
И знакомый голос зазвучит,
И проложит память новый след
На концерт эстрады прошлых лет.

В старом парке ракушка эстрады
Нас тянула, как магнит.
Тот, кто постоял с кумиром рядом,
Становился знаменит.

Шутки наизусть запоминали,
Голосам старались подражать.
Все про жизнь своих кумиров знали,
К дому их ходили провожать.

Но былое в сердце постучит,
И знакомый голос зазвучит,
И проложит память новый след
На концерт эстрады прошлых лет.

Жизнь прожить

Не закажешь судьбу, не закажешь,
Что должно было сбыться, сбылось.
И словами всего не расскажешь,
Что мне в жизни прожить довелось.

Что мне в юности снилось ночами,
Что ночами мне снится сейчас,
Отчего весел я и печален, —
Это грустный и долгий рассказ.

Я листаю былого страницы,
Все там – дружба, потери, любовь.
Не остаться тем дням, не забыться,
Не вернуться прошедшему вновь.

Пусть мне ветер волос не взъерошит,
И серьезен за здравье мой тост,
Жизнь до срока мне крылья не сложит,
А до срока еще, как до звезд.

А жизнь прожить, а жизнь прожить —
Не поле перейти.
Судьба шептала мне: – Держись!
Кричала: – Отойди!

Судьба меня бросала вверх
И сбрасывала вниз,
Но жить, боясь всего и всех, —
Какая ж это жизнь!!!

Я не помню

Я не помню, сколько осеней назад
Падал под ноги наш первый листопад,
Ты на краешке сгорающего дня
Целовал меня.

Я не помню, сколько зим с тех пор прошло,
Напролет всю ночь за окнами мело,
Ты тогда руками, полными огня,
Согревал меня.

Не забыть былого, не вернуть,
Я одна иду в обратный путь,
Я бреду на забытый свет
Тех далеких, прошедших лет.

Не забыть былого, не вернуть,
Обещаю, что когда-нибудь
Свет забытый я погашу
И тебя отпущу.

Я не помню, я забыла голос твой,
Торопливый звук шагов по мостовой,
Я живу, тебя нисколько не виня,
Ты забыл меня.

Я не помню, но зачем тогда, скажи,
Снова лист осенний так в руке дрожит,
Ветер памяти принес мне на крыле
Мысли о тебе.

Там, на вираже

Я боюсь оглянуться назад,
Там ты южный, я северный полюс.
Видеть твой обжигающий взгляд,
Слышать твой остужающий голос.

Вспоминать я боюсь и забыть
Ночь в холодном, заброшенном доме.
Нам с тобою там больше не быть,
Так зачем я, скажи, это помню?

Там, на вираже,
Ты, как в гонках сложных,
В яростном броске
Мчишь на красный свет.
И в моей душе
Так неосторожно,
Словно на песке,
Оставляешь след.

Я боюсь оглянуться назад,
Снова быть отрешенной и грешной.
Облетает цветущий наш сад,
В зимний сон погружаясь неспешно.

Будут дни холодней и темней,
Мне однажды покажется, может,
Что ты тоже грустишь обо мне
И ту ночь вспоминаешь ты тоже.

Я боюсь, что накатит волной
То, что мне пережитым казалось,
И тебя там не будет со мной,
Только грусть где-то в сердце осталась.

Грусть пройдет, так бывало не раз,
Вспоминать тебя буду без боли.
Только это потом, а сейчас
Сердце бьется, как птица в неволе.

Полярник

Ой, дарит жизнь порой подарки нам,
Потом от них мы только плачем.
Он мне представился полярником
И был всю ночь таким горячим.

Он мне казался удивительным,
На предыдущих непохожим,
И волновала убедительно
Его обветренная кожа.

А мне так хотелось его отогреть,
Мне нравился этот полярный медведь.
Казалось, он тоже кайфует,
На мне, как на льдине, дрейфует.

Он мне рассказывал о полюсе,
Где снег да белые медведи.
И намекало что-то в голосе,
Что к ним он больше не уедет.

Пронзило душу чувство жгучее,
А сердце что-то предвещало.
И небо жизнь мою дремучую
Звездой Полярной освещало.

Но оказалась жизнь конкретнее,
Чем представлялось мне доныне.
Скажу, короче, больше нет его
Вернее, есть, но там, на льдине.

Ну вот за что же мне удар такой?
Он не звонит мне и не пишет.
Забыл навек меня полярник мой
И променял на белых мишек.

Опоздавший

Я ждала, стояла у окна,
Я ждала, по комнате ходила,
Я ждала, хмелела от вина,
Я ждала и время торопила.

А вчера, ведь ты еще вчера
Колдовал словами и губами,
Но игра, любовная игра,
Вот и все, что было между нами.

Лепестки цветов опавших
На сидении машины.
Их рассыпал опоздавший,
Мой несбывшийся мужчина.
Заблудившийся в дороге
И судьбой моей не ставший.
Опоздавший ненадолго
И на вечность опоздавший.

Я ждала, чтоб прозвенел звонок,
Я ждала, чтоб ты вошел и обнял.
Я ждала, но ты придти не смог,
Я ждала, а ты меня не понял.

Что потом? Не знаю, что потом,
Не смогу ответить, если спросят.
Лишь листом, оранжевым листом
Бьет в стекло рассерженная осень.

Марсианин

Был банкет по какому-то поводу,
По какому, не помню сейчас.
И вошел неожиданно в комнату
Обладатель загадочных глаз.

В этой шумной веселой компании
Он шампанское пил в стороне.
Показался он мне марсианином,
Специально слетевшим ко мне.

А я ни слова по-марсиански,
Что б ни сказал он, я не пойму.
Но потянулась рука с шампанским
Сама собою моя к нему.

И я к контакту уже готова,
И он, похоже, уже готов.
По-марсиански, вот черт, ни слова.
Но тут, похоже, не надо слов.

Изменилось вокруг как-то сразу все,
Стихли звуки все и голоса.
Добавляли к шампанскому градусы
Марсианские эти глаза.

Разлучило нас с ним утро раннее,
Он ушел, не начав разговор.
А что было у нас с марсианином,
Я забыть не могу до сих пор.

Ковбой

Устав от знойных прерий,
Ковбой вернулся к Мери,
Когда его красотка не ждала.
В окошко постучал он,
И, как бы для начала,
Спросил он у красотки: как дела?

Как раз спускался вечер,
Она прикрыла плечи,
Два солнышка пылали на щеках.
Ковбой, тебе я рада,
Но понял он по взгляду,
Что солнышко потонет в облаках.

У ковбоя не было отбоя,
Не было отбоя от подруг.
Ведь ковбой был так хорош собою,
Что его любили все вокруг.

Сказал ковбой: – О, Мери!
Тебе я слепо верил,
Не вовремя явился, извини.
Прощай, моя красотка,
Забудь мою походку,
И все, что прежде было, зачеркни!

Он выпил пепси-колы
И голосом веселым
Сказал ей: – Нам с тобой не по пути!
С тех пор он где-то скачет,
А Мери ждет и плачет,
Ведь ей такого парня не найти.

В городе Эн

В жизни я отчаянно
Жаждал перемен,
И попал нечаянно
В тихий город Эн.
Я попал нечаянно
В городок окраинный,
Там глаза печальные
Взяли меня в плен.

Ночь плыла бессонная
В перекатах гроз.
В небогатой комнате
Вышло все всерьез.
Эту ночь бессонную
Навсегда запомню я,
Там глаза бездонные
Не скрывали слез.

Город без названия,
Населенный пункт.
Робкие касания
Нежных губ и рук.
Город без названия,
Встречи-расставания,
Долгий миг прощания,
Слов последних звук.

Похоже на любовь

Вдали от ветров вьюжных
В краях приморских южных
На опустевшем пляже
Мы встретились с тобой.
Шептала ты: – Не надо!
Но выдавала взглядом,
Что это очень даже
Похоже на любовь.

Нас опьянил с тобою
Южных цветов дурман.
Был так похож с любовью
Легкий ночной роман.

Летели дни, как птицы,
Листали мы страницы,
И был сюжет не сложным,
Понятным с первых слов.
Но как-то раз однажды
С другим пришла на пляж ты,
И это было тоже
Похоже на любовь.

И было все прекрасно,
Пока не стало ясно,
Что к этой новой роли
Я просто не готов.
Смотрела ты печально,
А я сказал прощально,
Что это было только
Похоже на любовь.

Я завелась

Все мне было неохота,
Все неинтересно.
Завелась с пол-оборота,
Без разбега, с места.
Взрыв в душе моей пропащей,
Сердце пробудилось.
Я не помню, чтобы раньше
Я так заводилась.

Я завелась, я завелась,
Моя душа оторвалась,
С цепи как будто сорвалась
И улетела.
Ты надо мной взял круто власть,
Боюсь я, как бы не пропасть, —
Моя душа так завелась,
А с ней и тело.

Видно, здесь колдует кто-то,
Кто-то здесь замешан —
Завелась с пол-оборота,
Стала самой грешной.
Выполняю с полуслова
Все твои приказы,
Ничего со мной такого
Не было ни разу.

Турбулентности в полетах
Я боялась раньше.
Завелась с пол-оборота,
И совсем не страшно.
Я в объятьях задыхаюсь,
Обжигаюсь взглядом,
Ни в каких грехах не каюсь
В миг, когда ты рядом.

Я боялась

Этот мир подлунный вечен,
Чередой то свет, то мгла.
Я боялась этой встречи,
Я боялась и ждала.
Я боялась быть ненужной,
Я боялась нужной быть,
И остаться равнодушной,
И безумно полюбить.

А ты будто мысли подслушал,
А ты заглянул прямо в душу,
А ты обжигал меня взглядом —
Не надо бояться, не надо.

То, что в жизни неизбежно,
Называем мы судьбой.
Я боялась слишком нежной
И послушной быть с тобой.
Я боялась губ горячих
И твоих безумных рук,
Я боялась, что заплачу
И что ты заметишь вдруг.

Этот мир подлунный вечен,
Чередой то свет, то мгла.
Я боялась этой встречи,
Я боялась и ждала.
А теперь безвольной птицей
Я в твоих объятьях бьюсь,
И, что это только снится,
Я боюсь, боюсь, боюсь.

Учитель рисованья

В этот день по расписанью
Первым было рисованье.
К нам пришел учитель новый,
Симпатичный и суровый.

Все девчонки в нашем классе
Стали вдруг ресницы красить,
Все альбомов накупили,
А другое все забыли.

Учитель рисованья,
Вы не подозревали,
Что вы заколдовали
Весь наш недружный класс.

При чем здесь рисованье,
При чем здесь воспитанье,
Вы ничего не знали,
А мы влюбились в вас.

Все кончается когда-то,
Оказалось – вы женаты,
И текли в альбомы слезы
На пейзажи и на розы.

Мы узнали обо всем,
Очень грустно стало.
С белых вишен за окном
Детство облетало.

Кажется порой

Кажется порой, добрый ангел
Вдруг забыл тебя, сгинул прочь.
Вечным ничего не бывает,
Зачеркнет рассвет тьму и ночь.

И увидишь ты,
Как из темноты
Вдруг прольется свет
И печали нет.
И тогда поймешь,
Что не зря живешь,
Шанс твой впереди,
Просто верь и жди.

Кажется порой, что дорога
В гору не ведет, только вниз.
Что удачи ждешь слишком долго,
Но она придет, ты держись.

Белая ворона

В обычное время настала весна.
Весна – это время влюбленных.
Росла у дороги простая сосна,
На ней поселились вороны.

И что тут такого? – сосна, как сосна,
Вороны – обычное дело.
Но в стае обычной ворона одна
Была, представляете, белой.

Без белой вороны, скажите мне, кто
Заметил бы серую стаю?
А с неба струился весенний поток
И снег, представляете, таял!

Вечер был, сверкали звезды…

Красиво как начиналась эта песенка! А дальше – грустно-грустно.

…На дворе мороз трещал.
Шел по улице малютка,
Посинел и весь дрожал…

Почему это мама такую песню выбрала напевать мне перед сном? Сядет рядом, руку на одеяльце, и давай про малютку. А я зажмурюсь и отвернусь, чтоб никто не видел, что я, засыпая, плачу – так мне этого малютку жалко. Посинел, бедный, дрожит.

Один раз спросила маму, почему этот малютка один идет, такой малютка. А мама говорит – наверно, он сиротка. Я не знала, что такое сиротка, а спрашивать не стала – и так страшно, а вдруг еще страшней будет?

И так вечер за вечером. Я уж без этой песенки и спать не ложилась. Каждый раз, замирая, слушала и думала, а вдруг в этот раз сами собой слова песенки изменятся, и малютку кто-нибудь согреет, накормит, и он, краснощекий и довольный, уснет себе под лоскутным одеялом, а рядом стоит огромная клетка с попугаем красного цвета, и попугай тоже спит.

Но время шло, а слова песенки не менялись, и вечер был, и сверкали звезды, и малютка шел, шел, шел.

Я так к нему привыкла, такому синенькому и одинокому, а заодно привыкла к чувству жалости, и она во мне живет всю мою жизнь. А малютки попадаются на моем пути так часто, как будто все откуда-то знают про ту грустную колыбельную песенку.

Романова Ленка

При чем тут логарифмическая линейка? И кто теперь вообще помнит о таком устройстве – что-то там выставляй, двигай, совмещай. Вот именно это у Ленки никак не получалось. И получалось при этом, что ни о каком институте и мечтать не стоит, если даже такая ерунда, и та не по уму.

Но можно ведь туда пойти, где извлекать квадратные корни необязательно. Например, в педагогический, на учительницу начальных классов. Мама, правда, не советует – застрянешь в бабском коллективе, личную жизнь не устроишь, да и зарплата копеечная. Но зато поступать легко – там в приемной комиссии мамина старая подружка тетя Лиза, она Ленке поможет нужные очки набрать.

Бесперспективность личной жизни нарисовалась уже на приемных экзаменах. Одни девчонки, почти все некрасивые, какие-то дурынды на вид. Конечно, красавицы все в театральные рванули, а красавцы – на физиков или в журналистику. Ну вот среди этих дурынд Ленка как жар-птица засияла, и без тетилизиной помощи студенткой оказалась.

Правда, на вечернем отделении – надо было обязательно идти работать, денег в семье маловато, а молодой Жар-птице надо время от времени оперенье менять.

В машбюро НИИ кроме Ленки работали еще две девчонки: Тома – Белая Мышь, и Люда – Ворона однокрылая, так их Ленка сразу про себя назвала и была права, потому что Тома была абсолютная блондинка с белой-белой кожей, розовыми веками, малюсенькими глазками, всегда в белой кофточке, а голосок – еле слышный. Вернее, не слышный просто так, а только когда она разговаривала по телефону. А делала она это каждый час и задавала тихо один и тот же вопрос: ну как там диспепсия?

Ленка вначале даже не знала, что диспепсия – это понос и рвота, которые напали на Томиного сынка Андрюшку. И все пять дней, пока Ленка работала в машбюро, Тома этот вопрос задавала и задавала, не сбиваясь, как часы. Вместо боя курантов на Спасской башне – как там диспепсия?

В первые дни Ленка заподозревала, что это – пароль, а Тома какой-нибудь секретный агент. Но вскоре Тома привыкла к новой машинистке и сокровище свое, измученное поносом, Ленке на фото показала. Сказала – вот, мой Мышонок. Ленка даже вздрогнула – ой, откуда она узнала, что я так ее про себя назвала? А потом фотку разглядела и поняла, что вариантов нет – бледный маленький мышонок таращил свои бусинки и улыбался. Ленка погладила фотографию и в сердцах пожалела мышонка, и в тот же миг Томины куранты пробили час, очередной вопрос прозвучал, и вдруг Томино лицо порозовело, а из бусинок закапали слезы. Ленка испугалась, а Тома подошла и вдруг ее поцеловала:

– Лен, у тебя рука целебная. Вот ты моего Андрюшку на фотке погладила, и он первый раз за все время нормально покакал. И есть попросил. А мы ведь целый месяц с ним мучались, ничего не помогало.

Слушай, Лен, погладь еще, чтоб он поправился хоть немножко – такой худенький. Мы с Анатолием, мужем, сами ничего не едим – все ему, ему, а у него понос. И все наружу. А теперь вот, пожалуйста, – покакал. Погладь, погладь еще.

И стала Ленка мышонкину фотографию каждый день гладить и с ней разговаривать, а Тома приносила день за днем новые вести о сыночке – и окреп, и подрос, и говорить научился.

Ленка рада была, что Тома думает, что она так рукой своей помогает. Но как бы ни было на самом деле, стала она Томе очень необходимой. Даже как-то ночью Тома ей позвонила – мол, Мышонок что-то не спит, потрогай там его фотку.

Так шли месяцы Ленкиной студенческой и машинистскинской жизни, и первая сессия позади, и уже листочки рвутся наружу, в апрель, и печатать неохота, а наоборот. Сны какие-то чудные снятся – целуется Ленка с каким-то незнакомым парнем, а лицо его разглядеть не может.

Как-то на работе Ленка была вдвоем с Людой, другой машинисткой, – помните, однокрылой вороной?

Ленка и сама объяснить не могла, почему дала ей такое прозвище? Может, потому, что Людмила была слегка горбоноса, сидела у машинки как-то вполоборота и все время вскидывала свою небольшую голову, стряхивая со лба сине-черную челку. О себе Люда ничего не рассказывала, никому не звонила, и ей никто не звонил. Странно даже.

А когда Ленка свой сон ей пересказала, Людмила челку сдула и вдруг засмеялась – а мне тоже этот сон снился. Снился, снился, да не сбылся. И опять замолчала.

Работы в машбюро было много, и на халтуру времени не оставалось. Но иногда девчонки все-таки ухитрялись немножко поработать на себя и чуть-чуть деньжат сверху получить.

Когда Романов зашел в машбюро, у Лены как раз сломался ноготь о клавишу машинки, и она, заныв от досады – растила-растила, и надо же, – стала зубами отгрызать обломок.

Ворона развернулась к Романову, и, забыв стряхнуть челку, замерла. А за ней и Мышь, и Ленка с ногтем во рту. Романов, судя по всему, привык, что все, увидев его, замирают. Дав девчонкам возможность придти в себя, он обратился к Людмиле с просьбой напечатать срочно несколько страничек, он заплатит по двойной стоимости, зайдет через час. Повернулся и ушел.

«Несколько» – оказалось около пятидесяти страниц. Но красота пришельца сделала свое дело, и, раздирбанив листочки на троих, девчонки начали стрекотать.

Через час Романов не пришел. Он вообще больше не пришел. И бедные машинистки не узнали, что он – Романов, что он – изобретатель, ученый какой-то. Не узнали, что вообще-то он человек хороший, хоть и красавец и хоть и не пришел. Просто он вернулся в свой отдел, и его, ученого такого, вдруг срочно в командировку – на самолет, и на три-четыре месяца, пока он там, в командировке, что-то секретное срочно не изобретет.

Людмила все 60 страниц в мелкие кусочки разорвала, Тома плакала, надеялась на сверхзаработок Андрюшке волчок купить. А Ленка не особенно переживала, просто ей показалось, что именно с этим красавцем она во сне своем чудном целовалась.

* * *

Сергей Романов был эталоном человека, про которого говорят – перспективный.

Он еще мальчишкой все любил разбирать и складывать по-своему. Он даже названия своим придумкам изобретал. И взрослые часто удивлялись. Например, пионервожатая в лагере Валя удивилась, когда Сереженька на полдник не пошел, потому что был занят – изобретал комароловку – такое летающее устройство, которое само будет за комарами гоняться и их на ходу прихлопывать. И компот его с печеньем съел Ежицкин Миша. Миша тоже был своего рода изобретатель – он изобретал кляузы на своих друзей. Например, привезли ему родители конфет на родительский день, он сам их есть не стал, а положил на тумбочку, а сам под кровать забрался – наблюдать втихаря, кто конфеты без спроса есть будет. А потом список составил и к вожатой Вале – а у нас в отряде воры. А Валя, тоже мне взрослая, взяла и на свои деньги купила конфет, весь отряд собрала и Ежицкина Мишку при всех их съесть заставила, водой не запивая, весь килограмм. Ежицкин давился, ел и плакал. А Валя вообще – потом от имени отряда велела Сергею Романову подойти и Ежицкину щелобан застрекотать. И еще сказала – родителям не жалуйся, а то хуже будет. А на другой день Ежицкин воблу из тумбочки достал, очистил и всех ребят угостил, и даже Сереже брюшко досталось.

Валя потом, правда, все Ежицкиной матери рассказала, и та ее похвалила, сказав, что она прирожденный педагог.

А Романов Сергей, хоть тот полдник и пропустил, комароловку так и не изобрел. Наоборот, пока он сидел-мудрил, комары его самого искусали.

Сейчас Романову было 28 лет, он уже имел много патентов в очень важной секретной научной отрасли, защитил кандидатскую, и докторская шла к завершению.

Бывает же природа такой щедрой – и умный, и высокий, и красавец, и характер золотой. Только наука слишком сильно в плен затянула – ведь в его годы уже и жениться пора, ну хоть встречаться с кем-нибудь.

Не будет же Сергей с мамой обсуждать, что с кем-нибудь, бывает, встречается. В командировках, например. Он же нормальный, здоровый мужик. И зря мама так беспокоится, вот закончит новую большую работу и всерьез о личной жизни подумает.

* * *

Когда Романов подлетал к Москве, под крылом золотились деревья, небо было еще почти летним. Надо же, еще три часа назад – минус 28, а здесь – только начало любимой поры – осени.

Сергей никогда ничего не забывал – любой когда-то увиденный фильм или спектакль мог рассказать от начала до конца в подробностях, закрыв глаза, представить живописное полотно и описать в деталях, помнил номера телефонов всех знакомых наизусть, да вообще, что там телефоны, открой любимых его поэтов на любой странице – и любое стихотворение Сергей прочитает наизусть.

Ну и, конечно, не забыл Романов про свой приход в машбюро. Его даже совесть мучила – бедные девчонки работали, а он им денег не заплатил, не по своей, правда, вине.

У Романова было классное настроение – командировка хоть и затянулась, но результат удивил всех и был настолько успешным, что мог стать переворотом в науке.

* * *

Мама после первой радости – сын вернулся – опять принялась за свое:

– Ну ладно, Сереженька, наука – это замечательно, но и о личной жизни – и так далее.

Сергей маму обнял, ладно, подумаю завтра же.

Назавтра он купил огромный арбуз и пошел в машбюро долги раздавать.

Когда он появился, Ленка не сразу сообразила, кто пришел – ведь четыре месяца прошло, а он тогда и был-то две минуты. Томы на работе не было, она отпросилась с мышонком в зоопарк сходить.

А Ворона-Люда сразу Романова узнала и хотела было наговорить гадостей, но не успела. Романов арбуз положил, руки к сердцу прижал и улыбнулся.

– Виноват, без следа и следствия.

Деньги на стол положил – при нем считать неудобно, но на вид много. И попросил ножичек, арбуз разрезать.

– Ой, а мы работу порвали – спохватилась Ворона.

– Да не беспокойтесь, она уже и не нужна. – Романов лихо резал арбуз. – Давайте, девочки, попробуем – на вид хороший.

Надо же как бывает – откуда-то пришел, еще и как зовут не сказал, а как будто уже друг.

– Да, забыл представиться. Сергей Романов. А вас как величать?

Когда с арбузом было покончено, оказалось, что рабочий день закончился, и Ленке в институт в ту же сторону, что и Сергею домой.

А погода какая классная, и нельзя ли институт прогулять, и, смехом обещанье маме организовать срочно личную жизнь, и внезапный дождь, и подозренье, что именно с ним Ленка целовалась во сне, оказывается, было ненапрасным. И пол из-под ног, и голова кругом, и мама Сережина рада, и у Ленкиных родителей опасения про бабский коллектив оказались напрасными, а наоборот, зятек-то – почти доктор наук!

* * *

После декретного отпуска и рождения Димона Ленка в машбюро не вернулась. Сергей за изобретения получал хорошие деньги. Правда, в институте перевелась на заочное – как-никак у жены Профессора должно быть высшее образование.

Время отгораживает былое такой стеной, что сквозь нее иногда уже и не разглядишь, что там было. Люда-Ворона растворилась во времени. Это произошло бы и с Белой Мышью Томой, но Тома не давала совсем забыть о себе, иногда звонила Ленке, присылала по почте фотографии выросшего Мышонка Андрюшки и просила ее не забывать иногда дотрагиваться до фотографии ее сокровища.

* * *

Димон часто простужался, и чуть было не остался на второй год в третьем классе – по болезни, пропустил почти полгода. Ленка уже не знала, что с ним делать – и лечила, и закаляла, и берегла, как могла. Зимой фрукты и ягоды на рынке покупала, но они же в зимнее время какие-то ненастоящие.

В тот день Димон как раз перестал чихать, и Ленка решила ненадолго вывести его на улицу – погулять, тем более что выглянуло солнце, которого уже месяца два как не было видно. Она тащила за руку медленного Димона и искала ответы на его бесконечные вопросы. Откуда только он их берет, такие замысловатые и, говоря правду, интересные? Да как откуда? Папа-то у него кто? Профессор! Умница! Вот и Димон – умница.

Лена не любила утро, потому что это была разлучальная пора – Сережа уходил в свой институт, и до вечера Ленке предстояло скучать по нему и ждать, когда ключ повернется в замке и он окажется дома. Лена была счастливой женщиной, так она сама о себе думала, но когда кто-то из знакомых это замечал, старалась разговор увести – боялась, что кто-нибудь сглазит.

Она любила в муже все – голос, манеру говорить, его привычки, смех.

Когда он засыпал, Лена каждый раз гладила рукой ковшик из родинок-звездочек – формой он абсолютно повторял Большую Медведицу.

Иногда Ленку обдавала волна ревности, хотя никакого повода для этого Сергей не давал. Просто всегда из двоих кто-то один любит больше. И у Сережи с Леной Лена и была этим одним.

Несмотря на то что от февраля до настоящего тепла еще очень далеко, но, казалось, что небо взлетело уже на летнюю высоту – это все из-за неожиданного солнца.

Лена не сразу узнала в подошедшей к ней женщине свою старую школьную подругу Лиду. Лидушка была конопатой, мелкой, с каштановыми кудряшками, отстающей по всем предметам, активной участницей художественной самодеятельности школы.

Когда на выпускном вечере выдавали аттестаты зрелости, Лидушка сидела с мамой в последнем ряду школьного актового зала и плакала – ей, единственной из всех выпускников, аттестата не дали, оставив пересдавать химию на осень.

Вот учителя, не́люди какие-то. Да за одну самодеятельность надо было аттестат отличный выдать, а они, видите ли, за химию какую-то человеку жизнь портили.

Конечно, когда уже все поступили, кто в институт, кто на работу, а одна Наташка даже замуж успела выйти, Лида с химией расправилась и пристроилась в соседнюю парикмахерскую учиться на парикмахера.

Лена раза два у нее укладку делала и, между прочим, хорошо это у Лидушки получалось, вкус ощущался. Потом как-то в газете Лена случайно прочитала, что на международном конкурсе парикмахеров первое место заняла Лидия Латышева, и порадовалась за бывшую одноклассницу, но дороги их с тех пор так больше и не пересеклись. И вдруг раз – стоит, улыбается полноватая красивая блондинка, разодетая, как кинозвезда, на Ленку с Димоном смотрит радостно.

* * *

– Пойдем, пойдем, здесь же рядышком, кофейку, поболтаем, что слышно о Галке, Катьке, вообще – кого видишь, а тебе блондинкой лучше, а у меня Димон болеет все время, а с мужем повезло – и так о разном, ведь сто лет не виделись.

Часовая стрелка уже переместилась на целое деление, Димон пошел свой конструктор умный собирать, по капельке ликерчику в кофе, и разговор все ближе к женскому, таинственному.

– А как ты, Лидка, счастлива? Кто у тебя?

– Витьку помнишь? Он на один класс моложе был, когда я пела на концертах, он мне на пианино аккомпанировал? Ну черненький такой, длинный? Ну вот, вышла за него замуж, полгодика пожили, потом он к маме своей съехал, ничего не объяснил и к телефону просил не подзывать. И сам не звонил. Однажды мама его сказала, чтоб я больше Витюшу не беспокоила, потому что он решил свою жизнь искусству посвятить и от фортепиано не отрывается. А она, мама, в умной книжке прочитала, что человек на творчество и на секс тратит одни и те же клетки организма, а Витюше все клетки для искусства нужны.

Ну и пришлось аборт сделать, а Витька месяцев через пять позвонил и сказал, что на развод подал и они с мамой уезжают в Канаду, к отцу, который их бросил, когда Витька только родился, а теперь вдруг заскучал и к себе их зовет. Я даже на развод не пошла, так развели, без меня. А Витька про аборт не узнал. Правда, и в Канаду никакую не уехал – я его потом в магазине встретила, и он очень смутился и сказал, что отец их звать передумал. В магазине Витька был не один, а с некрасивой рыжеватой женщиной, явно старше его по возрасту. И у Витьки, и у рыжей были обручальные кольца.

Вот такие странные замужество и развод получились.

Я тогда как будто замерла – не ругались, когда фильмы обсуждали, всегда мнения сходились. Да вообще никаким разводом не пахло, и вдруг – бац!

Ну а потом были разные истории – примерно по одной в год. То я уходила, то меня бросали. И не думала ни о каком счастье, вся в парикмахерское дело ушла. А там, в парикмахерской, заведующая попалась классная. Присмотрелась она к моим работам, давай о международных конкурсах узнавать. И послала меня, и перевернулась вся моя жизнь. Да нет, не из-за того, что первое место заняла, а потому, что в самолете, когда из Парижа летела, с Сергеем познакомилась. Он с симпозиума возвращался. И рядом у него место было.

И так вышло, что в небесах я на этих самых небесах и оказалась, как только с ним глазами встретилась. И вот уже почти год любовь, да такая, что и не думала, что так бывает. И, веришь, ни о чем его расспрашивать не хочу. В самолете я заметила, что он газетой кольцо на пальце прикрывает, но больше кольца не видела. И живу от появления до появления Сергея, и чувствую, что он от меня домой уходить не хочет. Однажды только сказал, что очень мне благодарен, что я никаких вопросов ему не задаю.

Капни еще ликерчику, а кофе не надо.

Знаешь, Ленка, я такая счастливая! Не знаю, как потом будет, но сейчас мне только лежать рядышком, и гладить его волосы, и ковшик на плече, и больше ничего знать не хочу.

* * *

Не так уж много Ленка себе ликера наливала, чтоб комната вдруг закружилась вокруг нее, и стало жутко горячо в горле. Может, ослышалась, дурында ревнивая. Что на плече гладить?

– Да ковшик, у него родинки, как Большая Медведица, на плече выстроились, и когда он дремет, я по ним пальцем вожу, и счастлива.

Зачем, зачем ты пришла, Латышева Лидка, двоечница несчастная, самодеятельная звезда! Зачем? Чтоб разрушить все? Чтоб самой несчастной Ленку сделать? Специально, что ли, прикидывается? А сама за тем и явилась, чтоб Ленка обо всем узнала, и способ какой коварный изобрела, вроде случайно все произошло.

В голове стучало, начался озноб, лицо разгорелось. Ужас и бессилие – никогда таких чувств Лена не испытывала. И что-то вдруг окаменело внутри, и слова сказать не может, и слезы хоть бы полились – так нет, тоже как будто окаменели внутри глаз.

Лидушка щебетала что-то дальше, не замечая Ленкиного состояния, наверно, радовалась полученному результату. Лена уже, правда, ничего не слышала – какая-то пелена. И Лидка шевелит губами, только видно, что радуется.

Дальше все произошло сразу – в двери повернулся ключ – Сергей вернулся домой, и Лидка достала из сумочки фотографию.

Лена не успела ничего сказать, да и, пожалуй, не смогла бы, как перед ней оказалась фотография, и из тумана донесся Лидкин голос – вот он, смотри, мой Сергей.

Лене казалось, что она сходит с ума, когда сквозь пелену увидела на фото синее-синее небо, белую скамейку и сидящего на ней симпатичного немолодого мужчину с умными печальными глазами.

– Кто это? – выдохнула она.

– Да говорю же тебе, Сергей мой, самый лучший Сережка на свете.

* * *

– Ленок, ты дома, – спросил из коридора другой самый лучший Серега на свете. – Где мои тапочки?

– Приветик, папка, вот твои тапки, – в рифму пропел вынырнувший из конструктора Димон, повиснув у отца на шее.

Сергей, войдя в комнату, удивился тому, что увидел – Ленка, его единственная любимая женщина, рыдала, прижимая к себе фотографию какого-то незнакомого мужчины, а симпатичная женщина, сидевшая напротив, смотрела на нее, ничего не понимая.

* * *

– Сереж, между прочим, Лидка Латышева у нас в художественной самодеятельности звездой была, да она вообще звезда, и на международном конкурсе парикмахеров первое место заняла, и так я рада, что мы сегодня с ней встретились, – да, Лид? – и поболтали обо всем, и Димон уже не кашляет, и сегодня солнечно было, как весной, и давай еще ликерчика выпьем, – да, Лид?

Они сидели втроем на кухне, Сергей подливал девчонкам ликерчику и был рад, что Ленке хорошо, и подруга у нее тоже хорошая и счастливая.

Градусы делали свое дело, Лидка снова достала фотографию своего Сереженьки и предложила выпить за самых лучших Серег на свете – ее, Лидкиного, Сергея Петровича, и за Романова Сергея.

А они с Ленкой между двумя Сергеями, и можно любое желание загадывать.

А Ленка, тоже уже захмелевшая, Лидушкин тост поддержала, добавив, что желание только одно – чтоб так было всегда – между двумя Сергеями.

Димон спал, продолжая во сне складывать свой конструктор.

Часы пробили одиннадцать раз, а троим, сидевшим на кухне, совсем не хотелось расставаться. А за окнами вечер был, сверкали звезды.

Ночь разбилась на осколки…

Я вчера к себе на ужин
Позвала подругу с мужем.
Она замужем недавно и ужасно влюблена.
Я с улыбкой дверь открыла,
Увидала и застыла,
И не ведала подруга, что наделала она.

Не заметила подруга
Наших взглядов друг на друга
И болтала увлеченно о каких-то пустяках.
А шампанское искрилось,
Что в душе моей творилось,
Знал лишь ты и, сидя молча, сигарету мял в руках.

Время быстро пролетело,
Спать подруга захотела,
И, прощаясь в коридоре, протянул мне руку ты.
Гулко лифт за вами щелкнул,
Ночь разбилась на осколки,
На хрустальные осколки от несбывшейся мечты.

Белый катер

Солнце вздрогнет на закате
В синий миг остатка дня.
Ты уйдешь на белый катер
И уедешь от меня.

На песок прибой накатит,
Зачеркнет твой след волной.
Белый катер, белый катер
Разлучит тебя со мной.

На белом катере, на белом катере
По морю синему гони, гони.
Скажи, на что с тобой мы ночи тратили,
На что мы тратили с тобою дни?

Все проплакать – слез не хватит,
Все сказать – не хватит слов.
Ты ушел на белый катер
И увез мою любовь.

Синих вод морская скатерть,
Шепот волн – прощай, прощай.
Белый катер, белый катер,
Ты вернуться обещай.

Посерединке августа

Ты повесил на гвоздь
Бескозырочку белую,
Бросил ты якоря
У моих берегов.

Я теперь не пойму,
Что такого я сделала,
Что уплыл твой корабль
И исчезла любовь.

Посерединке августа
На берегу осталась я.
А ты увел свой парусник
За дальние моря.

Не вспоминай, пожалуйста,
Про серединку августа,
Когда зашкалит градусник
В начале января.

Я забыть не могу
Ту походочку плавную,
Волны сильных штормов
В глубине синих глаз.

Я сейчас поняла,
Что любовь – это главное,
Только жаль, что она
Не сложилась у нас.

Посерединке августа
На берегу осталась я.
А ты увел свой парусник
За дальние моря.

Не вспоминай, пожалуйста,
Про серединку августа,
Когда зашкалит градусник
В начале января.

Я на фото смотрю
И роняю слезиночки.
Сколько ласковых слов
Ты сказал мне тогда.

Ненаглядной назвал
И своей половиночкой,
Поматросил меня
И забыл навсегда.

Растворимый кофе

Сегодня что-то грустно мне,
А к грусти не привыкла я.
Включу негромко музыку
И сигаретку выкурю.

Хоть было все неправдою,
Что ты наговорил,
Но все равно я радуюсь,
Что ты со мною был.

Хоть ты не настоящий,
Как растворимый кофе,
Но действуешь бодряще,
В любви ты суперпрофи.

Считаю жизнь пропащей,
Когда мы врозь, любимый,
Хоть ты не настоящий,
Как кофе растворимый.

Ты не оставил адреса,
Мой сладкий, засекреченный.
Тебя искать отправлюсь я
Сегодня поздним вечером.

У кофе растворимого
Неповторимый вкус.
Тебя найду, любимый, я
И тут же растворюсь.

Лесные пожары

Солнце отпылало жарким шаром
И сгорело где-то в вышине.
Те лесные давние пожары
Снова искрой вспыхнули во мне.

Что со мной случилось, кто мне скажет,
В сердце тлеет серая зола.
Может, я на том пожаре страшном
Жив остался, но сгорел дотла?

Лесные пожары,
Лесные пожары,
Мне снятся и снятся
Ночные кошмары.
Сгорели осины,
Обуглились ели,
В стихии всесильной
Лишь мы уцелели.

На рассвете мы с тобой проснемся,
Ты не плачь, любимая моя.
Никогда мы больше не вернемся
В эти опаленные края.

Только кто пожары в нас потушит?
Мы навек остались в тех лесах.
Искрами взлетают наши души,
Догорая в темных небесах.

Брызги шампанского

Пенится опять шампанское,
Бокалы вздрогнули в руках,
Раздался нежный тонкий звук,
Родная, верится, мы будем счастливы,
Опять с тобою мы вдвоем —
И нет разлук.

Карие глаза горячие
Так нежно смотрят на меня,
Как будто много лет назад.
Родная, кажется, вся жизнь заплачена
За этот миг, за этот час,
За этот взгляд.

Мой путь к тебе, твой путь ко мне
Позаметали метели.
Мы и в зимние вьюги
С тобой друг о друге
Забыть не сумели.
Но пробил час,
Звучит для нас
Мотив забытого танго.
На губах твоих
Лунный свет затих,
Танцуем танго для двоих.

Ночь нежна,
Так нежна.
Танго звук,
Нежность рук.
Ночь нежна,
Так нежна.
Этой волшебной ночью
Одна на свете лишь ты мне нужна.

Прогони все мысли грустные,
Горчит шампанское немного на губах твоих
От слез.
Родная, так взгляни, чтоб я почувствовал,
Что все, о чем я так мечтал, сейчас
Сбылось.

Встретятся ладони ласково,
Огонь любви еще горит,
Он в наших душах не погас,

Родная, пенится опять шампанское,
И никого не свете нету,
Кроме нас.

В апельсиновом саду
(Моя поздняя радость)

Город мой заснежен,
Я в нем одинок.
Слышу в снах я грешных
Шепот волн у ног.
Остров в океане,
Замок из песка,
Ты мне так близка,
Моя поздняя радость.

Тот день был солнцем переполнен,
И разбивались в брызги волны,
В том апельсиновом саду
В растаявшем году.
А мне не верится, что где-то
Прошло, сгорело наше лето,
В том апельсиновом саду
В растаявшем году.

(Но это лето не забылось,
Лишь в уголок души забилось
В том апельсиновом саду
В растаявшем году.)

На часах песочных
Прежних дней отсчет
Серебристой точкой
Тает самолет.
Унесла наш замок
Времени волна,
Только в зимних снах
Моя поздняя радость.

Возраст любви

Третий день за окном
Ветер листья кружит.
А со мною третий день девочки не дружат.
Как мне им объяснить,
Что со мной случилось,
Что я первая из них в мальчика влюбилась.

Возраст любви, и Амур-пострел
Тут как тут,
Рядышком.
Возраст любви, и одна из стрел
В сердце попала вдруг.
Возраст любви, он ко всем придет,
Разве с ним справишься?
Возраст любви не обойдет и моих подруг.

Если я расскажу,
Что мне ночью снится,
То девчонки на меня перестанут злиться.
А пока мой секрет
Пусть секретом будет.
А девчонки за спиной пусть жужжат-судят.

Голубой ангел

Когда насмешницей-судьбой
Я опечален безнадежно,
Мой нежный ангел голубой,
Явись ко мне в мой сон тревожный.

Явись, крылом меня коснись,
Чтоб сердца струны зазвучали.
Не торопись обратно ввысь,
Не оставляй меня в печали.

Не оставляй меня в тиши,
Согрей меня своим дыханьем,
В пустынный сад моей души
Опять придут воспоминанья.

И, очарован ворожбой,
Я быть хочу твоею тенью.
Мой нежный ангел голубой,
Мое желанное виденье.

Давай поженимся!

В черных лужах листья кружит
Вечер мокрый во дворе.
Вышло так, что все подружки
Вышли замуж в сентябре.

Говорят они при встрече
Слово новое – семья.
Но одна в осенний вечер
Под дождем гуляю я.

Я вижу свет в твоем окне,
Ты руки тянешь не ко мне,
Не для меня зажег свечу,
А я ведь тоже так хочу.
Хочу, чтоб ты других забыл,
Хочу, чтоб ты меня любил,
Хочу, чтоб мне сказал слова —
Давай поженимся, давай!

У меня на сердце рана
По ночам огнем горит.
В восемнадцать замуж рано —
Так мне мама говорит.

Сохнут слезы на подушке,
Снова ночь прошла без сна.
Вышли замуж все подружки,
Только я хожу одна.

В день, когда ты ушла

В день, когда ты ушла,
Снег засыпал дорогу у дома,
По которой могла
Ты еще возвратиться назад.
В день, когда ты ушла,
Стало все по-другому.
Намело седины
В золотой облетающий сад.

В день, когда ты ушла,
Еще долго шаги раздавались.
Это эхо твое
Не хотело мой дом покидать.
В день, когда ты ушла,
Твое имя осталось
Среди горьких рябин
В облетевшем саду зимовать.

В день, когда ты ушла,
От меня улетела синица.
Я ловил журавля,
А синицу не смог удержать.
День, когда ты ушла,
Больше не повторится.
Снег метет за окном.
И от холода ветки дрожат.

Зимнее танго

Мы сидели друг напротив друга,
Золотилось легкое вино.
За окном скулила песни вьюга,
И лазутчик-холод полз в окно.

Ты ко мне пришел дорогой длинной,
Ей, казалось, не было конца.
Отогрел холодный вечер зимний
Наши одинокие сердца.

Это было так странно —
В небе зимнее танго
Под мелодию грусти
Танцевала звезда.
Это было так странно,
Это зимнее танго
Нас с тобой не отпустит
Никуда, никогда.

Проведи холодною ладонью
По щеке пылающей моей.
Ты так долго был мне посторонним,
Ты так быстро стал мне всех родней.

Что случилось с зеркалом, не знаю,
Разве врать умеют зеркала?
На меня глядит совсем другая,
А не та, которой я была.

Зажигалка

Гости пили, говорили,
Танцевали и курили.
Громко музыка играла, заглушая голоса.
Ты пришел незваным гостем,
Говорил смешные тосты.
Ты поднес мне зажигалку, наши встретились глаза.

Говорила мне гадалка,
Чтоб боялась я огня.
Зажигалка, зажигалка,
Ты дотла сожгла меня.
Говорила мне гадалка,
Я не слушала, смеясь.
Зажигалка, зажигалка,
Как я больно обожглась!

Расходились гости к ночи,
Кто и с кем. Не помню точно.
Было дымно, было жарко, а меня бросало в дрожь.
Я сказать боялась слово,
Прикурить ты дал мне снова,
А рука моя дрожала, я боялась, ты уйдешь.

Говорила мне гадалка,
Чтоб боялась я огня.
Зажигалка, зажигалка,
Ты дотла сожгла меня.
Говорила мне гадалка,
Я не слушала, смеясь.
Зажигалка, зажигалка,
Как я больно обожглась!

За окном явились тени,
Пол поплыл, качнулись стены.
Закатилась зажигалка, я гнала все мысли прочь.
Я не знала, кем ты станешь,
С кем предашь и как обманешь,
Как потом я буду плакать, проклиная эту ночь.

Исход

Солнце жгучим шаром
Нестерпимым жаром
В небе полыхало,
Землю обжигало.
Землю обжигало.
По пескам сыпучим,
Жаждою измучен,
Босиком, в лохмотьях,
Шел народ к свободе.

Шолом, уставший,
Шолом, страдавший,
Не потерявший лучшее, народ.
Живи спокойно,
Живи достойно,
И знай – не может вечным быть исход.

Кто судьбу пророчит?
Дни сменяли ночи.
К ночи жар остынет,
Нет конца пустыне.
Впереди идущий
Знал сердца и души.
Вел и вел народ он
От рабов к свободе.

Шолом, уставший,
Шолом, страдавший,
Не потерявший лучшее, народ.
Живи спокойно,
Живи достойно,
И знай – не может вечным быть исход.

Под звездою желтой
Сколько лет прошел ты?
Мой народ печальный
И многострадальный.
И смывало горе
Мраморное море.
Ты пришел в желанный
Край обетованный.

И стар, и млад

В небе вечернем зажжется звезда,
Свет свой подарит вселенной.
Прямо с афиши, волнуясь всегда,
Звезды выходят на сцену.

Кто-то в кулисах замрет не дыша,
Смотрит восторженным взглядом.
Через секунду он сделает шаг
И со звездой встанет рядом.

И стар и млад, и стар и млад,
Имен известных звездопад
И начинающий талант,
И каждый здесь друг другу рад.
Ударь по струнам, музыкант,
Пусть струны радостно звучат,
И каждый здесь друг другу рад —
И стар и млад.

Если ты стар и от славы устал,
Если ты сыт и не беден,
Тем помоги, кто выходит на старт,
Чтобы пробиться к победе.

Если ты млад, если в сердце азарт,
Если к успеху стремишься,
Смело бери этот первый свой старт
И в суперстар превратишься.

Зимний вечер

Фонари качают свет над улицей,
Снежный вечер путает следы.
Что гадать на «сбудется – не сбудется»?
Ведь, как будет, знаешь только ты.

Дотронься теплыми ладонями,
Согрей меня среди зимы.
Друг другу мы не посторонние,
Друг другу не чужие мы.

На стекле мороз рисует кружево,
Сердце так устало без любви.
Ты забудь обиды все ненужные
И меня, как раньше, позови.

Дотронься теплыми ладонями,
Согрей меня среди зимы.
Друг другу мы не посторонние,
Друг другу не чужие мы.

Посмотри в окно свое морозное,
И прочтешь на выпавшем снегу:
Приходи, ведь все вернуть не поздно нам,
Без тебя я просто не могу.

Коварство и любовь

Сводя с ума уснувший сад,
Цвели полночные левкои.
Иду на ощупь, наугад
Туда, где были мы с тобою.

Туда, где все тобой дышало
В недолгих наших нежных днях,
Ничто беды не предвещало
И не печалило меня.

В мой край волшебных снов ворвались злые тучи,
Опали лепестки причудливых цветов,
Коварство и любовь так часто неразлучны,
Коварство и любовь, коварство и любовь.

Я знаю, некого винить
За ту минуту отрешенья.
Судьбы причудливая нить
Оборвалась при натяженье.

О, как я болен был тобою,
Об этом я не ведал сам.
Пусть расплачусь за это болью,
Я благодарен небесам.

Кепочка

Говорила мне в юности девочка,
Так задумчиво глядя в окно,
Что моя хулиганская кепочка
Не дает ей покоя давно.

Что она совершенно не учится
И зачет не сдала до сих пор,
Что ее заставляет так мучиться
Легкомысленный этот убор.

Ах, кепочка ты, кепочка,
Да нет тебе цены.
У нас в России в кепочках
Гуляют пацаны.
Ах, кепочка ты, кепочка,
Фасончик высший класс.
Носите, люди, кепочки.
Кто в кепках, тот за нас!

Мне хотелось ответить ей: деточка,
Ты подумай немножко сама.
Ведь моя залихватская кепочка
Уже стольких сводила с ума!

Но на тополе хрустнула веточка,
Белый цвет полетел по двору,
И я снял перед девочкой кепочку
И надел ее только к утру.

Кенгуру

У кенгуру с утра плохое настроенье,
У кенгуру с утра не ладятся дела.
И кенгуру с утра в газету объявленье
Об этом очень грустное дала:

Помогите кенгуру,
Потому что поутру
Кенгуру в своем кармане
Обнаружила дыру.

А дикобраз с утра в хорошем настроенье,
А дикобраз с утра уладил все дела,
И дикобраз с утра, увидев объявленье,
Решил, что кенгуру нужна игла.

Помогите кенгуру,
Потому что поутру
Кенгуру в своем кармане
Обнаружила дыру.

И дикобраз спешит на выручку подруге.
Характер у него колючий, но не злой.
Известен дикобраз как мастер на все руки,
Дыру зашил он собственной иглой.

Помогите кенгуру,
Потому что поутру
Кенгуру в своем кармане
Обнаружила дыру.

И кенгуру теперь в хорошем настроенье,
Спасен от сквозняков детеныш кенгуру.
Ненужное уже, слетело объявленье
И бабочкой кружится на ветру.

Помогите кенгуру,
Потому что поутру
Кенгуру в своем кармане
Обнаружила дыру.

Милиция

Я живу, закон не нарушая,
На машине лихо не рулю.
Отчего же я, сама не знаю,
Милиционеров так люблю?

Впрочем, что искать в любви причины?
Объясненья будут так просты —
Просто первоклассные мужчины —
Наши драгоценные менты.

Эх, как жаль, что мне давно не двадцать,
Видно всем, что я не на диете.
Не к лицу, не к возрасту влюбляться.
Почему же сны мне снятся эти?

Мне в миллионера бы влюбиться
Иль в звезду эстрадную, к примеру.
Пусть миллионер другим приснится.
Вижу я во сне милиционера.

Снится мне высокий, синеглазый,
Или небольшой, но с карим взглядом.
Даже лысый снился мне три раза.
Все они – ребята то что надо.

За бандитом, совершившим кражу,
Гнались мы по улицам столичным.
Дал померить мне фуражку даже
Милицейский дядька симпатичный.

Несмотря на шутки, анекдоты,
И не очень добрые подчас,
На плечах милиции забота,
Чтоб была спокойной жизнь у нас.

Женщины в погонах милицейских,
Хоть и строги, очень хороши.
На полях парижских – Елисейских
Нет прекрасней, сколько ни ищи.

Мы, конечно, часто забываем
Говорить вам добрые слова,
А случись чего, мы набираем
Номер ваш спасительный – 02.

Милицейский праздник самый важный.
И концерты лучшие – для вас.
Потому что понимает каждый,
Что вы в жизни значите для нас.

Я желаю вам поменьше риска
И спокойных взглядов, как сейчас.
Чтоб стоял на страже ваших жизней
Светлый ангел, охраняя вас.

Чтоб вы всех преступников схватили
И настал покой у нас в стране.
И чтоб денег больше вам платили,
Вы достойны этого вполне.

А себе желаю снов обычных,
Чтоб опять пригрезился во сне
Милицейский дядька симпатичный
И свою фуражку мерил мне.

Ночная кукушка

Не хочешь, не говори.
Я все без тебя узнаю.
Поверь, для меня пустяк
Какой-то твой страшный грех.
На самом краю зари
Кукушка твоя ночная
Тебя заколдует так,
Что ты позабудешь всех.

Не хочешь, не открывай
Той тайной заветной дверцы,
Где стынет твоя душа,
Закрыта на сто замков.
Но только пробьют едва
Двенадцать ударов сердца,
Влетит туда, чуть дыша,
Кукушки ночной любовь.

Не хочешь, не отвечай
На сотни чужих вопросов,
Пускай все горит огнем
И катится стороной.
А то, что в глазах печаль —
Так это крадется осень,
И холодно станет днем
Кукушке твоей ночной.

Новый год

Торопятся стрелки по кругу,
Готовятся к смене веков.
Давайте же скажем побольше друг другу
Хороших и радостных слов.

Считает минуты планета,
Наметив компьютерный сбой.
И кружится снег над частичкою света,
Где мы проживаем с тобой.

Разливайтесь, шампанского реки,
К нам другие идут времена.
С Новым годом, страна,
С Новым веком, страна,
С Новым тысячелетьем, страна!

Разливайтесь, шампанского реки,
Пьем за радость и счастье до дна!
С Новым годом, страна,
С Новым веком, страна,
С Новым тысячелетьем, страна!

Дней радостных, горьких и разных
Нам строит судьба этажи.
Но, как бы там ни было, все это праздник
С прекрасным названием – жизнь.

Другая эпоха у двери.
Ну что ж, раз пришла, проходи!
Мы в прошлом оставим плохое, поверив,
Что лучшее ждет впереди.

Разливайтесь, шампанского реки,
К нам другие идут времена.
С Новым годом, страна,
С Новым веком, страна,
С Новым тысячелетьем, страна!

Разливайтесь, шампанского реки,
Пьем за радость и счастье до дна!
С Новым годом, страна,
С Новым веком, страна,
С Новым тысячелетьем, страна!

Пускай в двадцать первом столетье

Над злом побеждает добро.
Пусть кто-то отыщет любовь в Интернете,
А кто-то, как раньше, в метро.

Двадцатый, пора нам прощаться,
Мы будем тебя вспоминать.
Но замерли стрелки, часы бьют двенадцать,
Пора новый век начинать!

Ну что он смотрит?

Он жил в высотке на последнем этаже,
Он мне плеснул глоток шампанского в фужер.
На белых стенах кабинета
Портреты женщин неодетых,
И я сама уже почти что неглиже.

Ну что он смотрит сверху вниз,
Исполню я его каприз,
Он птица важная – я вижу по полету.
А я не то что влюблена
И от шампанского пьяна,
А просто так – сопротивляться неохота.

Печальный опыт я имела столько раз!
Вот на часы он должен посмотреть сейчас.
Зевнет и скажет: время – деньги,
Пойдем, хорош глазеть на стены,
И холодком плеснет из светло-серых глаз.

Ну что он смотрит сверху вниз,
Исполню я его каприз,
Он птица важная – я вижу по полету.
А я не то что влюблена
И от шампанского пьяна,
А просто так – сопротивляться неохота.

Он жил в высотке на последнем этаже,
Он так запутал мной придуманный сюжет,
И поняла я, что пропала,
В высотный плен навек попала,
И сам он тоже не торопится уже.

Она была с глазами синими

Она была с глазами синими,
Почти под цвет морской воды.
Благоухая апельсинами,
Цвели приморские сады.

Моя душа взрывалась гимнами,
И белый ангел пролетал.
Она была с глазами синими,
Я о такой всю жизнь мечтал.

Я шептал ей: дорогая,
Не могу я жить без вас.
Я шептал ей: пропадаю
В синих брызгах ваших глаз.
Мы стояли у причала,
Пароход вдали гудел.
Я шептал, она молчала,
Так весь отпуск пролетел.

Окутан дом мой снами синими,
Ведь все кончается, увы.
Исчезла та, с глазами синими,
Предмет моей морской любви.

Мы, мужики, должны быть сильными,
И сам я бросил не одну.
Но, вспомнив ту, с глазами синими,
Слезу невольную смахну.

Она любила бланманже

Она любила бланманже,
Она читала Беранже,
И были все ее движе…
Ужасно грациозны.
Ее увидев неглиже,
Сказал я только – надо же!
И полюбил ее уже
Теперь совсем серьезно.

В ее глазах был скрыт тайник,
В ее словах журчал родник,
Но разговор у нас возник
Про наши отношенья.
Она устроила вдруг крик,
И я, конечно, сразу сник,
Похож стал на пиратский бриг
На краешке крушенья.

Идя по лезвию ножа,
Стоп-кран я вовремя нажал.
Я был услужливей пажа,
Распахивая двери.

Пока ее я провожал,
По пудре от мадам Роша
Текли остатки миража —
Я им уже не верю.

Остывший пляж

В парках осыпаются магнолии,
Море бьет прохладною волной.
Видно, что-то мы с тобой не поняли,
Обошло нас счастье стороной.

Остывший пляж,
Остывший пляж,
Сезон любви окончен наш,
Умчится поезд твой в сугробы и метели.
Ведь все кончается, увы,
Прошел и наш сезон любви,
А мы с тобой совсем не этого хотели.

Что же ты глаза отводишь в сторону,
На ветру дрожат обрывки слов.
Мы с тобой печаль разделим поровну,
Как делили поровну любовь.

Наступило время разлучальное,
Не вернуть былое, не зови.
Мы, как два кораблика, причалили
К берегу несбывшейся любви.

Летучая почта

Под самую ночку сгустился туман.
Летучая почта, летучий роман.
Ваш взгляд мимолетный, пленительный бал,
От жизни походной гусар так устал.

Ах, пол-листочка,
Пылкая строчка.
Короткая ночка,
Летучая почта.

Ах, шелест муара и запах духов,
На память вам пару в альбомчик стихов.
Любовь? Ну конечно, куда ж без любви?
Гусарская нежность с шампанским в крови.

Ах, пол-листочка,
Пылкая строчка.
Короткая ночка,
Летучая почта.

Качнет занавеску впорхнувший рассвет.
Не время, не место для пылких бесед.
В дорогу из ночи позвал барабан…
Летучая почта, летучий обман.

Отечество

В дни удачи и в трудные годы
Мысль одна согревает меня —
Что мы все из Отечества родом,
По Отечеству, значит, родня.

Сердцем чувствовал, где бы я ни был
И куда б меня жизнь ни вела, —
Над Отечеством хмурое небо
Мне дороже чужого тепла.

Живи, Отечество, живи,
Клянусь тебе в моей любви,
И как бы ни было в судьбе,
Клянусь я верным быть тебе.
Прости мне громкие слова,
Пока душа моя жива,
Клянусь тебе в моей любви,
Живи, Отечество, живи!!!

Прилетят к нам и теплые ветры,
К нам дотянутся солнца лучи,
И в потоке весеннего света
Побегут из-под снега ручьи.

Пусть пускает кораблики мальчик,
Он поймет, когда будет большой, —
У него есть Отечество, значит,
Он на этой земле не чужой.

Пульт

Ты ключ в машине повернешь,
Нажмешь на газ, рванешь, как ветер,
Как бритвой, взглядом полоснешь
И на вопрос мой не ответишь.

К душе твоей так сложен путь,
А может, все от неуменья.
Чтоб быть с тобой, мне нужен пульт
С дистанционным управленьем.

Я б на кнопки нажимала,
Я б тебя переключала —
То погромче, то потише,
То пониже, то повыше.
Ты зависел бы от кнопки —
Ты бы наглым был и робким,
Ты был ярким бы и бледным,
То богатым был, то бедным.
Если б я с тобой скучала,
Я тебя бы выключала.

Ты массу тела накачал,
И тяжесть мне твоя приятна.
С тобой летаю по ночам
И не спешу к себе обратно.

Ты идол мой, мой бог, мой культ,
Ты мой восторг и сожаленье.
Но где же взять мне чертов пульт
С дистанционным управленьем?!

Пустые хлопоты

Помню, ветер гнул сирень в аллее,
Произнес ты горькие слова.
Я еще сказала – пожалеешь,
Вот и оказалась я права.

Помню, как проплакала я ночью,
Представляя, как ты там с другой.
Ты теперь вернуть былое хочешь,
Это невозможно, дорогой.

Пустые хлопоты, пустые, мой хороший,
Пустые хлопоты, ты тратишь время зря.
Пустые хлопоты, цена им – медный грошик,
Не расцветет сирень в начале января.

Помню, как сидели мы с подругой
И решали, как мне дальше жить.
Но судьба умеет как разрушить,
Так и из кусочков все сложить.

Помню, ветер дул такой холодный,
Я с другим согрелась в холода.
Ты сказал, что хочешь быть свободным,
Ты теперь свободен навсегда.

Это сладкое слово – свобода

Я столько лет с тобой в недружном хоре пела,
И все сносила, и все терпела.
Твое вранье, всегда понятное до боли.
Все. Надоело. Хочу на волю.
Я отпускаю поводок, живи как хочешь,
Сама я знаю, как мне тратить ночи!

Это сладкое слово – свобода!
Без скандала. Без развода.
Брошусь в это звенящее лето,
Без печали, забот и тревог.
Это сладкое слово – свобода!
Я танцую с небосводом,
На призывный гудок парохода
Я лечу, как на свет мотылек.

Хочу успеть я то, что раньше не успела.
Душа, как вишня, к любви поспела.
И я готова к приключеньям и романам,
Пускай недолгим, может быть, обманным.
Я отпускаю поводок, живи как хочешь.
Сама я знаю, как мне тратить ночи!

Паразит

Давно известно, мужики – все паразиты.
На них свои надежды строить ни к чему.
Но вот однажды всем известный композитор
Такое спел, что я поверила ему.

Я на экран тогда смотрела, чуть не плача,
Какой же голос! А одежда! А лицо!
Хоть жизнь моя – одна сплошная неудача,
Должно же все же повезти в конце концов!!!

Что человек – кузнец, я слышала так часто,
И сам себе он все что хочет накует.
Я начала ковать немедленное счастье,
И билось сердце громким молотом мое.

Я написала: – Дорогая передача!
Потом – спасибо, и немного о себе,
Потом – простите, что я ваше время трачу,
И попросила скорой помощи в судьбе.

А на отдельном бледно-розовом листочке
Я композитору писала самому:
Вы мой кумир, моя судьба… и многоточье…
Без вас на свете жить мне просто ни к чему.

Потом добавила, что он мой светлый лучик,
Про царство темное, конечно, ни гу-гу.
Как хорошо, что нас чему-то в школе учат
И перед ним блеснуть я знаньями могу.

Я расписалась – про Онегина с Татьяной,
И про Герасима и бедную Муму,
Про то, что музыка на сердце лечит раны,
Я намекнула тоже богу моему.

Полюбовалась я на свой красивый почерк,
Решила твердо – надоело мне страдать.
Конверт заклеила – лети, мой голубочек,
Поцеловала и ответа стала ждать.

Я в парикмахерский салон пошла с получки,
Решила химию я сделать для него.
К его приезду надо ж выглядеть получше,
Хоть и без химии я тоже ничего.

Подшила юбку, чтоб коленки стало видно,
Купила клипсы голубые, под глаза.
И так за жизнь свою мне сделалось обидно,
Что накатилась, тушь размазавши, слеза.

Однажды вижу – мой любимый на экране,
И вдруг блондиночка цветы ему дает.
Куда полезла эта дура, он же занят?!
Ко мне приедет он, как только все споет.

Но потянулись дни и долгие недели,
Слетели листья все и снегу намело,
И я подумала однажды: неужели
Мое письмо так до него и не дошло?

Уже всю химию мне срезал парикмахер,
Резинкой черненькой я хвостик собрала.
Давно пора бы мне послать все это… к черту,
А я сидела и, как дурочка, ждала.

Смотрю, законный мой чего-то заподозрил,
Не знаю, что он мог заметить с пьяных глаз?
Пришел однажды и дает мне в руку розы,
Пять лет живем мы, а такое в первый раз.

Потом он спать пошел, а я включила телик,
Шипом от розы укололась и реву.
Глотаю слезы – неужели, неужели
Так без него весь бабий век я проживу?

Летели дни, а он все реже на экране,
То в День милиции, то где-то в «Огоньке».
Вдруг стало легче чуть моей сердечной ране,
И я устала жить в печали и тоске.

Прости-прощай, моя любовь, мой композитор!
Душа еще чуть-чуть поноет и пройдет.
Ведь ты ж мужик, а мужики все – паразиты,
И мой сейчас небось подвыпивши придет.

Близкая весна

Вечер синий, одинокий,
Близкая весна.
Путь привычный, недалекий,
Я иду одна.

А могло все быть иначе,
Чья же в том вина?
На краю сосульки плачет
Близкая весна.

Я в троллейбусе пустынном
Сяду у окна.
Тонким льдом на лужах стынет
Близкая весна.

В море грусти закипает
Новая волна.
Что ж она не закипает,
Близкая весна?!

Последний бал

Тронь, скрипач, смычком струну.
Звук разбудит тишину,
И грянет бал ночной,
Летящий и шальной.
К нам звезда летит в ночи,
Эта ночь нас разлучит,
С тобой в последний раз
Танцуем мы сейчас.

Ах, ночка, чаро-чародейка, не спеши,
К рассвету не спеши.
Разлука, мука и злодейка, боль души,
Разлука, боль души.

Все растает, как мираж,
И последний танец наш,
И скрипок нежный звук,
И нежность глаз и рук.
Будь что будет – все судьба.
Ты ночной запомни бал.
В шатре ночных огней
Ты даришь танец мне.

Хочу продолженья!!!

Ты подуй на окно
Теплым облачком пара,
Нарисуй на стекле
Распрекрасный дворец.
И к истории грустной с названием старым
Измени ты названье
И придумай счастливый конец.

Ветер листья срывает, срывает,
И над нами несется круженье.
Но счастливых концов не бывает,
Продолженья хочу, продолженья.

Пусть ресницы дрожат
Над заплаканным взглядом,
Ты запутай сюжет,
Хочешь, новых героев введи.
Многоточье поставь, только точки не надо.
Ты закончи, дорогой,
И меня за собой уведи.

Ну и что ж?

Я уже ничего не ждала,
Начала привыкать к одиночеству.
Намекнули, грустя, зеркала:
Представляйся по имени-отчеству!
Мексиканские фильмы любя,
С героинями плакала поровну.
Но, когда увидала тебя,
Жизнь рванула в обратную сторону.

Ну и что, что обжигалась
И не очень молода.
От ожогов не осталось
В моем сердце ни следа.
Обжигалась, что ж такого?
Это с каждым может быть.
Я еще сто раз готова
Обжигаться и любить.

Все забытые вспомнив слова,
Молодой я вдруг стала по-прежнему.
Снова кругом пошла голова,
Переполнившись мыслями грешными.
Как сладка мне ночей кабала,
Как к утру расставаться не хочется.
Намекнули, смеясь, зеркала:
Рановато по имени-отчеству.

Так и быть…

Ты мне сказал: «Куда ты в дождь?
И ночь такая темная!»
От слов твоих то в жар, то в дрожь
Меня бросало, помню я.

«Не уходи», – ты мне сказал
И ложкой чай помешивал.
Я, посмотрев в твои глаза,
Произнесла насмешливо:

«Так и быть, я останусь с тобой,
Я останусь с тобой, так и быть.
Твой застенчивый взгляд голубой
Обещает так жарко любить.
Не единственный ты, а любой,
А меня так непросто забыть.
Так и быть, я останусь с тобой,
Я останусь с тобой, так и быть».

Мерцала бледная звезда,
Последняя, печальная,
Не понимала я, куда
Я в эту ночь причалила?

Все понимает голова,
А сердце бьется бешено.
Но я опять свои слова
Произнесла насмешливо:

«Так и быть, я останусь с тобой,
Я останусь с тобой, так и быть.
Твой застенчивый взгляд голубой
Обещает так жарко любить.
Не единственный ты, а любой,
А меня так непросто забыть.
Так и быть, я останусь с тобой,
Я останусь с тобой, так и быть».

Ты на рассвете задремал
И видел сон таинственный.
И сам не знал, что ночью стал
Ты для меня единственным.

И я молила небеса
Простить мне душу грешную.

Но, посмотрев в твои глаза,
Я вновь скажу насмешливо.

Мне все равно

Приходишь ко мне, когда хочешь,
Обид на тебя не коплю.
На части разорванной ночью
Тебя я украдкой люблю.

Поспешно тебя обнимаю,
Целую тебя на бегу.
Я все про тебя понимаю
И все же понять не могу.

Мне все равно, женат ты или холост,
Хочу я слушать твой негромкий голос,
Мне все равно, кем для меня ты станешь
И сколько раз и с кем меня обманешь.

На время ты смотришь с опаской
И вечно куда-то спешишь.
Твои скоротечные ласки
От этого так хороши!

Тебе это кажется странным —
Я в сети тебя не ловлю,
Не строю коварные планы,
А просто бездумно люблю.

Мне все равно, женат ты или холост,
Хочу я слушать твой негромкий голос,
Мне все равно, кем для меня ты станешь
И сколько раз и с кем меня обманешь.

Изменим мы что-то едва ли,
И надо ли что-то менять?
Цветы твои утром завяли,
Когда ты ушел от меня.

Под музыку летнего ливня,
Под солнцем, взлетающим ввысь,
Ушел от меня торопливо
В свою непонятную жизнь.

На сеновале

Мы с тобой на сеновале
В небе звездочки считали,
И летели с неба звезды,
Сеновал поджечь грозя.
Мы с тобой на сеновале
Два желанья загадали
И узнали слишком поздно,
Что загадывать нельзя.

Стороной пролетели тучи,
Стороной прошумели ливни,
Стороной прогремели грозы,
Нам дождиночки ни одной.
Может, все бы сложилось лучше,
Может, были бы мы счастливей,
Если б в небе июльском звезды
Не летели бы стороной.

Мы с тобой на сеновале
Вспоминали, горевали
И слова к хорошей песне
Все придумать не могли.
Мы с тобой на сеновале
Даже не подозревали,
Что о пламя звезд летящих
Мы сердца не подожгли.

Арифметика простая

Я к тебе дорогу знаю,
Но идти не тороплюсь.
Все сижу да вычисляю —
Где твой минус, где твой плюс.
Снова вишня расцветает,
Белый май кипит в саду.
Арифметика простая,
Да ответа не найду.

Плюс на минус – будет минус,
Минус к плюсу – будет плюс.
Я б к тебе поторопилась,
Да боюсь, что ошибусь.

Всем суббота с воскресеньем,
У меня одни дела.
В вычитанье и сложенье
Я все время провела.
В синем небе птичьи стаи,
Ветер кружит вишни цвет.
Арифметика простая,
Да не сходится ответ.

Плюс на минус – будет минус,
Минус к плюсу – будет плюс.
Я б к тебе поторопилась,
Да боюсь, что ошибусь.

Небо тучами покрылось,
Дождь грозит: вот-вот прольюсь.
Ты во мне заметил минус,
Зачеркнув при этом плюс.
Ты ребром вопрос поставил:
Мол, душою не криви.
Арифметика простая
Не годится для любви.

Боярышник

Боярин и боярыня под липой пили чай.
А юная боярышня идет, в глазах печаль.
И рвет цветы рассеянно
С куста по одному.
Заметно, что рассержена,
Неясно – почему?

Боярышник цветет,
Ему цвести пора.
И суженого ждет
Боярышня с утра.
На щеках румяный цвет,
Восемнадцать жарких лет.
Сердито ждет,
А он все не идет.

Коса с годами таяла,
Сад грезил о следах.
Надежда не оставила
Боярышню в годах.
Настало утро вешнее,
Как много лет назад.
Окно не занавешено,
В окне сердитый взгляд.

Боярышник цветет,
Ему цвести пора.
И суженого ждет
Боярышня с утра.
Уж давно пора прийти —
Два годка до тридцати.
Сердито ждет,
А он все не идет.

Колючками топорщится
Боярышника куст.
Она сердито морщится,
А сад, как прежде, пуст.
«Не злись, – твердят подружки ей, —
Тогда пройдет печаль».

Боярышник цветет,
Ему цвести пора.
И суженого ждет
Боярышня с утра.

На щеках румяный цвет,
Не узнаешь, сколько лет.
С улыбкой ждет,
И суженый идет.

До свиданья

До свиданья, до свиданья,
Все кончается.
До свиданья, до свиданья,
Мы прощаемся.
Чтоб опять
Встречи ждать,
И сердца любви полны.
Как не хочется прощаться,
Но по кругу стрелки мчатся,
Пусть сегодня вам приснятся
Только радостные сны.

До свиданья, до свиданья,
Новый день придет.
До свиданья, до свиданья
Пусть вас радость ждет.
Пробил час,
Мы сейчас
Разойдемся по домам.
Нам важней любой награды,
Чтоб теплели ваши взгляды.
Пусть живет удача рядом
И заглядывает к вам.

До свиданья. До свиданья,
На прощание
До свиданья, до свиданья,
Вам желаем мы
Добрых дней
И ночей
И счастливых долгих лет.
Чтобы вы спокойно жили,
Чтобы вас всегда любили,
И чтоб ангелы кружили,
Охраняя вас от бед.

Эпизод

Ну и что из того, что мы ездили вместе на юг
И уснули вдвоем в пене волн на морском берегу?
Мне не нужен совет всех моих драгоценных подруг.
Я заставить себя, чтоб тебя полюбить, не смогу.

Ты не герой
Из моего романа,
Ты не герой,
Ты просто эпизод.

А мой герой,
Он поздно или рано
Ко мне придет,
Он все равно придет.

Ты, конечно, звони, я тебя рада слышать всегда.
Как-нибудь заходи, мне с тобой рядом очень тепло.
Если можешь, пойми: просто то, что случилось тогда,
На морском берегу, превратиться в любовь не смогло.

Нахал

Я как-то отдыхала
В объятиях нахала.
Он мне словами голову кружил.

Балдела я от счастья,
Душа рвалась на части,
А он шептал: «Ну что ты так дрожишь?»

И были так желанны
Горячих глаз каштаны.
Я жизнь свою поставила на кон.

Но был недолгим праздник,
Цветы завяли в вазе,
И оборвался мой недолгий сон.

Оборванным сюжетом,
Куплетом недопетым
Досталась мне на память эта ночь.

Я отравилась ядом
Каштанового взгляда,
И никаким лекарством не помочь.

Но я не стала злее
И вовсе не жалею,
Что жизнь свою сломала об него.

А то, что я вздыхала
В объятиях нахала, —
Так то любовь. И больше ничего.

Как недавно, как давно

Как недавно это было, как давно,
Цвет акаций осыпался, как в кино.
На ветру летели стайкой лепестки
И ложились в теплый ковш твоей руки.

А потом ты опрокинул этот ковш,
И над нами прошумел цветущий дождь.
Ты, как маленький, зажмурился смешно,
Как недавно это было, как давно.

Я с тех пор почти забыла голос твой,
Торопливый звук шагов по мостовой,
Все засыпал облетевший белый цвет,
Не засыпал только память прежних лет.

Лет, когда цветы летели, как в кино,
Лет, когда ты так зажмурился смешно,
И когда ты приходил и так любил,
И когда ты вдруг ушел и все забыл.

Хочешь, я тебя прощу,
Хочешь, снова в жизнь впущу,
Хочешь, сам меня обратно позови.
Дверь, как раньше, затвори,
Нежных слов наговори
О своей, так и не сбывшейся любви.

Сколько весен пролетело с этих пор,
Облетал и снова цвел наш старый двор,
Где с тобой тогда мы были так близки,
А сейчас к другим слетают лепестки.

Цвет акаций так недолог, ну и пусть,
Я с тобой узнала, что такое грусть,
Поняла с тобою, что такое боль,
И какой бывает горькою любовь.

Бывает…

Все в жизни бывает, и все может быть,
Из нас только пленник в ней каждый.
И главное – просто кого-то любить,
А все остальное не важно.

И попробуй угадай,
И гадать не стоит,
Свет зеленый – проходи,
Красный свет – замри!
Потому что каждый день
Что-то происходит,
И прекрасна эта жизнь,
Что ни говори!

Зимою мы ждем наступленья весны,
Нам лета весной не хватает.
Бывает, сбываются вещие сны,
Не сбывшись, уходят, бывает.

И кружится жизни незримая нить,
Судьбою ее называют.
И нам не дано ничего изменить,
Бывает, бывает, бывает…

В первый раз вдвоем

Зачеркнул небо серое дождь —
Значит, осень настала,
Ветер гнал золотую пургу.
Я боялась, что ты не придешь,
И минуты считала.
Я теперь без тебя не смогу.

Просто в эту ночь у нас
Все случилось в первый раз.

В первый раз вдвоем
На заброшенной той даче
Мы с тобой случайно оказались,
Может быть, потом
Я еще не раз заплачу,
Вспоминая эту ночь вдвоем.

Плыл по комнате запах травы
Улетевшего лета.
Были все слова так важны.
Я узнала с тобой о любви,
И подружек советы
Больше мне не нужны, не нужны.

Просто в эту ночь у нас
Все случилось в первый раз.

Хризантемы

Бледный лучик света
На подушке замер.
Твоего букета
Я коснусь губами.

В хризантемах белых
Горький привкус боли.
Что же, милый, сделал
Ты с моей любовью?

Хризантемы
Знак измены, знак печали,
Нас (они) венчали, нас и разлучали.
Нас венчали, нас и разлучали.

Хризантемы, эти хризантемы,
Горек, как горек вкус измены,
Осыпает ветреная осень
Золото моей любви.
Золото твоей любви.

Я сама не знаю,
Что мне делать, милый.
Все понять смогла я,
А простить не в силах.

Разве это важно? —
Хризантемы вянут.
Ты поймешь однажды,
Кто из нас обманут.

Сезон любви

А ночь такая лунная была,
Рука твоя, как лодочка, плыла,
А я была рекой
Под этою рукой
И лодку по течению гнала.

А лодочка качнулась на волне,
И что-то ты шептал такое мне,
Я слушала слова,
Кружилась голова,
И ползали мурашки по спине.

Ту ночь назад не вернуть.
Не вспоминай и забудь.
Он так недолог был, увы,
Сезон любви.

А часики натикали рассвет,
И больше ни реки, ни лодки нет,
Грустит пустой причал,
Где ты чуть-чуть скучал,
Когда на мой вопрос искал ответ.

Сезон любви был в ночь одну длиной,
Теперь в реке любви мне плыть одной.
А лодочка-рука
Уже так далека,
Ах, что же она сделала со мной!

Я тобою отравилась,
Милый мой, тогда,
Приплыви в ночь любви
Опять ко мне сюда-да-да!

Курортный роман

Там, в кипарисовой аллее,
Закат украсил летний зной.
Вы, о любви слова жалея,
Молчите пристально со мной.

Во взгляде вашем знак вопроса,
Шаги по гравию шуршат.
И прилетают альбатросы
Молчанье наше нарушать.

Сидеть в тени за чашкой кофе
Хоть вечность с вами я хочу.
У вас такой прекрасный профиль,
А про анфас я промолчу.

Страницы наших биографий
Зальет недолгий солнца свет.
Пейзаж курортных фотографий
С годами так теряет цвет…

И, может, я пишу напрасно
На оборотной стороне —
Я – третий справа в майке красной.
Не забывайте обо мне!

Пой, цыганка

Бей, цыганка, в звонкий бубен, карты разложи,
Звезды осыпаются с небес.
Затяни, цыганка, песню,
Табор разбуди.
Что со мною завтра будет, правду расскажи,
И на мой трефовый интерес
Дай надежду, слезы отведи.

Пой, цыганка, и в танце кружи.
С неба звезды лови.
Нагадай мне и наворожи,
Что дождусь и я своей любви.
Пой, пой, пой и кружи,
Мне гадай-ворожи.

На гитаре вздрогнут струны под твоей рукой,
Темные глаза полны огня.
Ночь плывет крестовой масти,
У тебя в руках судьба моя.
Нашепчи мне слов безумных, душу успокой,
И скажи, что любит он меня,
Обещай, цыганка, счастья,
В эту ночь тебе поверю я.

Половинки

Он одинокий был мужчина,
Летела жизнь в потоке дней,
И часто с грустью беспричинной
Он так мечтал о встрече с Ней.

Он знал – находит тот, кто ищет,
Он знал – дождется тот, кто ждет.
Узнает он ее из тыщи,
К ней постучится и войдет.

Счастье – тоньше паутинки,
И точнее не сказать.
И мечтали половинки
Две судьбы в одну связать.
Только эти половинки,
Повстречавшись, разошлись.
Счастье тоньше паутинки,
Непростая штука жизнь.

Она жила одна, печалясь,
И тоже думала о Нем.
И вечерами возвращалась
В свой одинокий темный дом.

И, чай в две чашки наливая,
И, свет в прихожей зажигая,
Она мечтала, что вот-вот
Из тыщи он ее узнает,
В дверь постучится и войдет.

И в тот холодный хмурый вечер
Стучали ветки о стекло.
И состоялась эта встреча,
Но чуда не произошло.

Они увидели друг друга,
Но испугались счастья вдруг.
И снова жизнь пошла по кругу,
И бесконечен этот круг.

Всякое бывает

Не смотри так строго,
Я себя виновной не считаю,
Всякое бывает,
Всякое случалось и у нас.
Ни к чему упреки,
Кто тебе сказал, что я святая,
Я попала в плен
Незнакомых глаз.

Всякое бывает,
В нашей жизни всякое бывает,
Сколько раз грешил ты,
Я тебя прощала сколько раз!
А теперь не знаю,
Что со мной случилось, я не знаю —
Вдруг глаза чужие
Стали мне родней знакомых глаз.

В окна постучались
Горькие осенние рябины,
Нас судьба связала
Нитями некрепкими с тобой.

Не смотри назад,
Все пойми и не держи обиды.
Просто у меня
Новая любовь.

Постарайтесь забыть

Я прошлою зимою так продрогла
Без друга, без любви и без тепла.
Я думала, что вы ко мне надолго,
Казалось мне, я вас всю жизнь ждала.

Вы были так решительно несмелы,
Вы были так пленительно смелы.
Я ничего сказать вам не посмела,
Когда вы так стремительно ушли.

Постарайтесь забыть,
Как в камине дрова догорали,
Как закутала ночь в покрывало кольдунья-метель.
Постарайтесь забыть,
Что шептали вы, как целовали,
Как я верила вам и какой была смятой постель.

Ни недругом не стали вы, ни другом,
Я вас искать под утро не помчусь,
Вы мой недуг. Я мучаюсь недугом
И, может быть, не скоро излечусь.

Но я и вам покой не обещаю
И знаю, что вы вспомните не раз,
Как, согревая ночь, дрова трещали,
Но это вам неведомо сейчас.

Виртуоз

Ночь упала темной шалью,
Долгий день догорел и погас.
Вы играли на рояле,
Я скучала и слушала вас.
Ваша легкая рука
Ноты путала слегка.

Мне, поверьте, скушно
Ваш полночный слушать
Аккомпанемент.
Зря не тратьте силы,
Женщины, мой милый,
Сложный инструмент.

Шли минуты, почему-то
Я ждала, но вы не подошли.
Ваши гаммы в сердце дамы
Никакого огня не зажгли.
Было грустно мне до слез,
Мой несмелый виртуоз!

Не надейся, дорогой

Дорогой, подойди к телефону.
Женский голос, наверно, она.
Жаль, что ей неизвестны законы —
Не звонить, если дома жена.

Ты растерян, мой милый, расстроен,
Прячешь в дым выражение глаз.
Что нас в этой истории трое,
Поняла я, поверь, не сейчас.

Но не надейся, дорогой,
Что я отдам тебя другой.
Я двадцать раз с тобой прощусь
И двадцать раз к тебе вернусь.
Я двадцать раз тебе навру,
Что завтра вещи соберу,
И двадцать раз, и двадцать раз
Все будет снова, как сейчас.

Мы друг другу с тобой не чужие,
Сколько их, вместе прожитых дней!
Не молчи, дорогой, расскажи мне,
Я хочу знать всю правду о ней.

Сколько лет, как зовут, кто такая
И что значит она для тебя.
Буду слушать я, слезы глотая,
Ненавидя и все же любя.

Кто сказал…

Снова осень сгорела пожаром
На пороге холодной зимы.
Говорят, мы с тобою не пара
И не сможем быть счастливы мы.

Говорить, пожимая плечами,
Может каждый, кто хочет, любой,
Но как сладко нам вместе ночами,
Только мы понимаем с тобой.

Кто сказал, что в любви есть законы
И что правила есть у судьбы,
Тот не знал нашей ночи бессонной,
Тот, как мы, никогда не любил.
Холода наши души не тронут,
Нашей ночи не стать холодней.
Кто сказал, что в любви есть законы,
Ничего тот не знает о ней.

По любви мы крадемся, как воры.
Перед кем мы виновны, скажи?
Наша ночь гасит все разговоры
И звездой на подушке дрожит.

Ты вздохнешь легким облачком пара
На замерзшее к ночи окно.
Мы и правда с тобою не пара,
Нас любовь превратила в одно.

Небылица

Я расскажу вам небыль,
Правдивую точь-в-точь.
В одном и том же небе,
В одну и ту же ночь
Из тучи месяц вышел
Светить на тишину.
А рядом, чуть повыше
Он увидал луну.

Не может быть, не может,
На правду не похоже —
На это кто-то все же
Мне станет возражать.
Чьей жизни колесница
Без чуда вдаль умчится
И чудо не приснится,
Того мне, право, жаль.

Я взял кусочек мела
И обмакнул в капель.
И на сугробе белом
Нарисовал свирель.
Цветущий куст сирени
Качнулся на волне,
И лист слетел осенний
К свирелевой струне.

Секс

Господа, подруги, братцы,
Надо срочно разобраться.
В наш народ вселился бес
Под названьем страшным – секс.
Ночью темной и бессонной
Секс придумали масоны,
План составили и вот
Оболванили народ.

Дадим мы сексу бой,
Дадим мы сексу бой,
Нет к сексу никакого интереса,
Но, прочитав журнал
С названием «Плейбой»,
Мы скажем дружно: руки прочь от секса!

И в журналах, и в газетах
Возникает тема эта.
По ночам, а также днем
Вечно думаем о нем.
Словно щупальцами спрута,
Секс сковал нас и опутал.
Буржуазный этот секс
Будит пагубный рефлекс.

Дадим мы сексу бой,
Дадим мы сексу бой,
Нет к сексу никакого интереса,
Но, прочитав журнал
С названием «Плейбой»,
Мы скажем дружно: руки прочь от секса!

Господа, подруги, братцы,
Если честно вам признаться,
Секс – не главный в жизни враг,
Это знает и дурак.
Пусть ругают секс злодеи,
С каждым годом молодея,
Он шагает по стране,
Повышается в цене.

Подлец

Я на тебя держу обиду
И не могу никак уснуть.
Ну что ты ходишь с умным видом,
Решил бы лучше что-нибудь!

Вокруг насмешливые взгляды,
Да разговоры там и тут:
Давно уж замуж девке надо,
Да расхватали – не берут.

Ты скажи наконец —
Ну когда ж под венец?
Надоели твои заморочки.
«Ох, – вздыхает отец, —
Что он тянет, подлец?
Что-то в девках застряла ты, дочка».

Давно не девка я, папаша,
Я – неформальная жена.
Мне как-то ночью стало страшно,
И я с тех пор не сплю одна.

Не понимает искуситель,
Мой легкомысленный герой,
Что хочет грозный мой родитель
Нас видеть мужем и женой.

Ты скажи наконец —
Ну когда ж под венец?
Надоели твои заморочки.
«Ох, – вздыхает отец, —
Что он тянет, подлец?
Что-то в девках застряла ты, дочка».

С подругой я совет держала,
Она сказала мне, смеясь:
«Да он не женится, пожалуй,
Уж слишком быстро ты сдалась».

Нахмурит брови папка строго:
«Ой, девка, Господи прости!»
А я считаю дни с тревогой,
Чтоб в подоле не принести…

Застольная

Великий царь с утра капризно топал ножкой,
И, вся в слезах, махала веером царица.
Медовой браги в кружку царь плеснул немножко
И уж не злится, а с народом веселится.

И катились времена,
И летели времена,
И другие времена наступали.
Пили рюмочку до дна,
Пили чарочку до дна,
А потом еще вина наливали.
Как бы лихо ни жилось,
Как бы горько ни пилось,
Есть спасенье от тоски и печали:
Выпьем рюмочку до дна,
Выпьем чарочку до дна,
Выпьем так, чтоб дно увидеть в бокале.

Какие были прежде дни, какие ночи!
Переливались струны звонкие гитары.
И, в погребочках откупоривая бочки,
Всю ночь гуляли развеселые гусары.

И катились времена,
И летели времена,
И другие времена наступали.
Пили рюмочку до дна,
Пили чарочку до дна,
А потом еще вина наливали.
Как бы лихо ни жилось,
Как бы горько ни пилось,
Есть спасенье от тоски и печали:
Выпьем рюмочку до дна,
Выпьем чарочку до дна,
Выпьем так, чтоб дно увидеть в бокале.

Мы все себя порою чувствуем царями
И по-гусарски улыбаемся безбедно.
Собравшись вечером на кухоньке с друзьями,
По рюмке чаю иногда принять невредно.

Блондин

Я блондинов совсем не любила,
А к брюнетам лежала душа.
Но, увидев тебя, все забыла
И смотрю на тебя не дыша.
Но сказал ты однажды мне сонно,
Что у нас отношенья не те.
И под свадебный марш Мендельсона
Не шагать мне в венчальной фате.

Блондин, ты один виноват,
Сбил влет меня серый твой взгляд.
Но если меня ты не любишь, блондин,
Тогда оставайся один.

Объяснить я подругам пытаюсь,
Почему я попала в твой плен.
Всем же ясно, что ты не красавец,
Не Делон, извини, не Ален.
У меня были люди покруче,
Дав отставку им, я не права.
Ой, блондин, ты подумай получше,
Говоря мне такие слова.

Блондин, ты один виноват,
Сбил влет меня серый твой взгляд.
Но если меня ты не любишь, блондин,
Тогда оставайся один.

Ой, блондин, торопись, опоздаешь,
Ведь такие, как я, нарасхват.
Пожалеешь потом, пострадаешь,
Загрустит твой пронзительный взгляд.
Жизнь свои нам диктует законы,
Вспыхнет солнце в холодной воде.
И с брюнетом под марш Мендельсона
Я застыну в венчальной фате.

Александр…

Александр – мужчина просто классный,
Все у нас завидуют ему.
Он однажды с женщиной прекрасной
Как-то скрылся осенью в Крыму.

Там цвели магнолии, ночами
Источая душный аромат.
Чайки утомленные кричали,
И горел прекрасный чей-то взгляд.

Он был гусар заправский,
Кто б что б ни говорил,
Из жизни делал сказки
И женщинам дарил.
Обласканный судьбою,
Все в жизни по плечу.
Но… сравнивать с собою
Его я не хочу.

Ресторан приморский переполнен,
Здесь сегодня джаз играет блюз.
Александр с детства джазом болен,
У него вообще отменный вкус.

Шоколадка плавает в шампанском,
Александр умеет стол накрыть.
И блондинка слева строит глазки,
Намекая – выйдем покурить!

Он был гусар заправский,
Кто б что б ни говорил,
Из жизни делал сказки
И женщинам дарил.
Обласканный судьбою,
Все в жизни по плечу.
Но… сравнивать с собою
Его я не хочу.

Александр парень был не промах,
Он лицом красив, в плечах широк,
И сгорали женщины, как порох,
Но на всех жениться он не мог.

В потолок плывут колечки дыма,
Быстро все прошло, увы и ах!..

Он с прекрасной женщиной из Крыма
Возвращался в разных поездах.

Гвоздики

Вчера с утра была жара,
А к ночи ливень.
Ты говорил весь день вчера,
Что ты счастливый.
Ты мне принес букет гвоздик,
Устроил праздник.
К утру букет гвоздик поник.
Нас кто-то сглазил.

Забери свои гвоздики,
Не такой уж ты великий.
Больше я тебе не верю,
Был находкой, стал потерей.
Равнодушны, как и ты,
Эти скушные цветы.

Ты оглянулся, уходя,
Со знаком грусти.
Исчезнут капельки дождя —
И боль отпустит.
Я ни потом и ни сейчас
Жалеть не стану.
Не в первый, не в последний раз
Гвоздики вянут.

Пропадаю…

Ярко-красный закат – признак ветра.
И без ветра я мерзну одна.
От тебя нет так долго ответа,
И терзает мне душу вина.
Сколько раз я тебе говорила —
Не пиши, не звони – не прощу.
Я сама эту жизнь натворила,
А теперь вдруг вернуться прошу.

С веток вялая листва опадает,
Ветер травы покосил на лугу.
Пропадаю без тебя, пропадаю,
Пропадаю без тебя – не могу.

Дважды в реку ступить невозможно,
Нелегко все сначала начать.
Но поверь, мой любимый, несложно
Снова в паспорт поставить печать.
Я ж неправду тебе говорила.
Как же в это поверить ты смог?
От тебя не уйти мне, мой милый,
Сколько б ни было в мире дорог.

Привыкай

Опять с утра похолодало:
Не плюс, не минус, просто ноль.
Я так старательно играла
Тобой придуманную роль.
Еще вчера цвела черешня,
Но утром сбросила цветы.
Я никогда не буду прежней,
Теперь, мой друг, меняйся ты.

Привыкай, привыкай к моим новым привычкам,
Привыкай, привыкай, ты же знаешь меня.
Разгорелась любовь, будто вспыхнула спичка,
Но подул ветерок, вот и нету огня.

Тепло из сердца выдул ветер,
А душу выстудил сквозняк,
Я знаю, что ты мне ответишь —
Что проживешь и без меня.
Не понимаешь ты, мой милый,
Тебе, наверно, невдомек,
Что я привычки изменила,
Чтоб без меня ты жить не смог.

Ворюга

Мы сочетались с тобой гражданским браком —
Ты так красиво нашу акцию назвал.
Ты был так нежен и от счастья просто плакал,
Когда на стенку свой портретик прибивал.

Ты огласил мне список всевозможных правил,
Все разъяснил про нашу будущую жизнь,
Растаял утром ты, и лишь портрет оставил,
Я разберусь с тобой, мой милый, ну, держись!

Ворюга, ты любимый мой ворюга,
Ты у меня ответишь по заслугам —
Ведь ты взломал мне сердце,
Куда теперь мне деться?
Мы ж созданы с тобою друг для друга.

Портрет размножу и расклею на заборах
И напишу под ним позорные слова:
Вниманье, граждане, прошу, найдите вора!
Он вероломно жизнь мою обворовал!

Смотри, осталась от меня лишь половина,
Так исхудала я, пока тебя ищу.
И, если ты однажды явишься с повинной,
Тебя, ворюга, я, наверно, не прощу.

Белый китель

Над спящим морем ночь рассыпала светила,
Луна блестела, волна кипела,
А на меня любовь волною накатила.
И ныло тело, а сердце пело.
Вы поднялись к себе на мостик капитанский,
Даль изучали горящим взглядом.
Вы только в море влюблены,
В порывы ветра, в плеск волны,
И вам не важно, кто с вами рядом.

Ваш белый китель, капитан,
Предмет моих сердечных ран.
Я понимаю, что пропадаю,
Я пропадаю, капитан.
И вы простите, капитан,
Мне сильный натиск и таран,
Я так страдаю. Я пропадаю.
Меня спасите, капитан.

Незваной гостьей поднимусь я к вам на мостик.
И вы за дерзость меня простите.
Не задавайте мне, пожалуйста, вопросов.
Снимите китель и обнимите.

А завтра мы к далекой пристани причалим,
И я вас больше нигде не встречу.
Вы, капитан, моя печаль,
Любви и нежности причал.
И я не верю, что время лечит.

Как никогда

Закатился серебряный месяц
В розоватый холодный рассвет.
Утро легкие росы развесит
В задремавшей, примятой траве.
Мы с тобой все решили, любимый,
Нам советы ничьи не нужны.
Одинокие грустные зимы
Будут, как никогда, холодны.

Как никогда, как никогда
Нагонит рано холода,
Как никогда, как никогда
Студеный ветер.
Как никогда, как никогда
На небе утреннем звезда
Как никогда, как никогда
Печально светит.

Мы в трех соснах с тобой заблудились
Среди горьких, никчемных обид.
Дни хорошие скоро забылись,
Память долго обиды хранит.
Никогда нам не быть больше вместе,
За семь бед есть один лишь ответ.
Ах, как жаль, что серебряный месяц
Закатился так быстро в рассвет.

Приходите, женихи!

Колечко обручальное
На палец нанижу
И про свои печали я
Ни слова не скажу.

Мои подружки замужем,
За каменной стеной,
И засыпать пора уже
Давно мне не одной.

Приходите, женихи,
Больше ждать нет мочи,
Приходите, женихи,
Девка замуж хочет.
Приходите, женихи,
Девка будет рада,
Приходите, женихи,
Девке замуж надо.

Вчера в салоне свадебном
Я мерила фату,
Смотреть мне было радостно
На эту красоту.

Хочу, чтоб был мой суженый
Умен, красив и крут,
Пусть девки незамужние
От зависти помрут.

Разлука для любви

У моей тоски есть причина —
Нас с тобой судьба разлучила.
Разлучила нас ненадолго,
Я, пока ждала, вся продрогла.

Прожужжала уши подружкам,
Что мне без тебя очень скушно,
Торопила дни и минуты,
Ты меня забыл почему-то.

Разлука для любви,
Как ветер для огня.
Разлучник-ветер дул,
И ты забыл меня.
Разлучник-ветер дул,
Огонь любви погас,
А может, ничего
И не было у нас.

За окошком дождь бьет по лужам,
В зеркало смотрюсь – чем я хуже?
Может, что не так говорила?
Может, все сама натворила?

Может, ты при встрече случайной
Спросишь, почему я печальна?
Что тогда тебе я отвечу?
Что обиды время не лечит.

Менуэт

В партитурах нотных сложных
Вечно путались кларнеты,
Всевозможные вельможи
Замирали в менуэтах.

Кринолины дам роскошно
В такт качали силуэты,
И, как сабли в тонких ножнах,
Они прятались в корсетах.

В канделябрах меркли свечи,
Лили звуки клавесины.
В старом замке каждый вечер
Свечи грустные носили.

Засыпая, кавалеры
Там о женщинах вздыхали,
Чьи прелестные манеры
Ночью тоже отдыхали.

Золотистым сердоликом
Солнце на небо всходило
И светило всем великим,
Невеликим всем светило.

Парики вельмож дремали,
Пудра вяло осыпалась.
И величье их регалий
В днях былых навек осталось.

Фея

Фея знала свое дело
И, летая в небесах,
Днем и ночью то и дело
Совершала чудеса.

Эльф надменно-несерьезный
Как-то мимо пролетал.
Танец феи грациозной,
Пролетая, увидал.

Увидал цвет глаз кофейный,
Взмах прелестнейших из рук,
И узнать – кто эта фея,
Поручил он паре слуг.
Слуги были корифеи —
Два прилежнейших пажа.
Полетели вслед за феей,
В поднебесии кружа.

Фея лилии коснулась,
Что-то нежное шепнув,
Тут же лилия проснулась,
Зелень листьев распахнув.

– Ах, вы фея пробужденья! —
Слуги впали в реверанс. —
В не любивших от рожденья,
Пробудили чувства в нас.

Эльф-красавец очарован,
Наш любимый господин.
Вы скажите только слово,
Он без вас умрет один.

– Он хорош, – сказала фея, —
Я не стану отрицать.
Я люблю копить трофеи —
Покоренные сердца.

Фея сделала движенье,
Разбудила мотылька.
– Да, я фея пробужденья.
Но… сама я сплю пока!

Забытые истины

В предчувствии снега сады задремали
Под вялыми листьями.
В предчувствии снега луч солнца прощальный
Блеснул и погас.
А мы с опозданьем с тобой открывали
Забытые истины,
Как будто не знали, что все эти тайны
Открыты до нас.

В предчувствии грусти наш путь через полночь
Туманами выстелен.
В предчувствии грусти все точки расставить
Давно бы пора.
И, может, напрасно зовем мы на помощь
Забытые истины,
Ведь нет у любви ни законов, ни правил,
Любовь не игра.

А может, не стоит нам думать о снеге
За зимами быстрыми.
Горячее солнце вновь землю согреет,
Пройдет без следа.
А может, не стоит нам думать о грусти,
Мы поняли истину.
Чтоб солнца дождаться, нам надо с тобою
Прожить холода.

Я любила тогда трубача…

По паркету скользила парча
Под мазурки, кадриль, полонез.
Я любила тогда трубача
За усы и внушительный вес.

Выдувала венгерки труба,
Щеки прятали цвет его глаз.
Для меня этот бал был не бал,
Для меня этот вальс был не вальс.

– Вы к глазам поднесите лорнет, —
Прошептал мне красавец кузен. —
К нам идет, посмотрите, корнет,
Так придите в себя, кес ке се?

Я платочек к глазам поднесла,
Но сдержала нагрянувший плач.
Отчего, отчего на балах
Не танцует мой милый трубач?..

Не танцует трубач, хоть плачь!!!

Признание в любви

Звезды, падая, качают ветки сада,
Я спою тебе сегодня серенаду.
Догорел закат пожаром,
Искры звезд взметнул в ночи,
Только не молчи, моя гитара.
Моя гитара, ты не молчи.

В миг цветенья и в пору листопада
Буду петь я под балконом серенады.
Мне поможет способ старый
Подобрать к тебе ключи,
Только не молчи, моя гитара.
Моя гитара, ты не молчи.

Сколько окон слушать пенье распахнулось,
Только ты от серенады не проснулась.
Видно, я тебе не пара,
Мед любви порой горчит.
Только не молчи, моя гитара.
Моя гитара, ты не молчи.

Мне тридцать лет, а я не замужем…

Мне тридцать лет, а я не замужем.
Как говорят, не первой свежести.
А в сердце чувств такие залежи,
Такой запас любви и нежности!

Моим богатством нерастраченным
Так поделиться с кем-то хочется.
«Да на тебе венец безбрачия», —
Сказала мне соседка-склочница.

Молчала б лучше, грымза старая,
Да помогла б мне с этим справиться.
Все говорят, я девка статная
И не дурна, хоть не красавица.

Как вкусно я варю варение,
Как жарю кур с румяной корочкой!
И кто б мне сделал предложение,
Не пожалел бы ну нисколечко!

Тут заходил один подвыпивший.
Жену с детьми отправил к матери.
Час посидел, мне душу выливши,
Потом ушел. Дорога скатертью.

А скоро праздники подкатятся.
Пойду к подружкам на девичник я.
Вчера себе купила платьице.
Не дорогое, но приличное.

Надену лаковые лодочки,
Войду в метро, как манекенщица.
Потом с девчонками, под водочку,
Нам, может, счастье померещится.

На платье ворот в белых кружевах,
И в нем такая я красавица!
Подружки обе, хоть замужние,
Но, в общем, тоже несчастливые.

Мужья их в доме гости редкие.
Один – моряк. Все где-то плавает.
Другой встречается с соседкою.
Но дети есть, а это – главное.

Я им твержу – терпите, девочки.
Какие есть – а все ж мужья.
И в платье новеньком, с отделочкой,
Одна домой отправлюсь я.

И у метро куплю у тетеньки
Три ветки в бусинках мимоз.
Уткнусь лицом в букетик желтенький
Так, чтоб никто не видел слез.

Мне говорят – с твоей-то внешностью
Ну что такого – тридцать лет?
И кружат в сердце вихри нежности,
Как майских яблонь белый цвет.

Невеселая пора

Невеселая пора – осень поздняя,
И в ушедшее тепло нам не верится.
В серых тучах так редки неба просини,
И они-то с каждым днем реже светятся.

Торопливые слова в строчки сложены,
Листьев вялых перелет стайкой рыжею.
И проходим мы с тобой вдоль по осени,
И надеется любовь – может, выживет.

Не спеши произносить слово горькое,
Пусть горячая обида остудится.
Лужи стынут по утрам льдистой коркою,
И печальная пора позабудется.

Лунный сад

Снова в окнах качается
Вечер призрачный.
Он спасет от отчаянья,
Сердце вылечит.
Закружит тень по комнате,
О тебе вновь напомнит мне,
Звук шагов, нотки голоса
Снова вспомню все.

Лунный сад венчальный
В каплях ландышей,
Сколько снов случайных
Ты подаришь мне.

Снова гостем непрошеным
В память грешную —
Наше давнее прошлое,
Время нежное.
Запах ландыша майского,
Обруч рук твоих ласковых,
А теперь мы два полюса,
Ты забыл про все.

Синица

Сам себя не понимаешь,
Сам с собою не в ладу,
Ты мечтаешь, что поймаешь
В небе птицу на лету.

Где-то тает птичья стая
И скрывается вдали,
Но к тебе не прилетают,
Мой любимый, журавли.

Я в руках твоих синица,
Отпускай – не улечу,
Становиться важной птицей
Абсолютно не хочу.

Я могла бы в небо взвиться,
Скрыться в белых облаках,
Но хочу простой синицей
Тихо жить в твоих руках.

Солнце в сторону заката,
А ему навстречу ночь,
Я, наверно, виновата —
Не могу тебе помочь.

Ты смирись с судьбой такою,
В жизни каждому – свое,
Мы и так вдвоем с тобою
Наше гнездышко совьем.

Отель «Шератон»

Была молодой и зеленой,
И сытой бывала не слишком.
О «Хилтонах» и «Шератонах»
Читала в заманчивых книжках.
А лучшей едою считала
Котлеты, а к ним макароны.
И даже во сне не мечтала
О «Хилтонах» и «Шератонах».

Отель «Шератон», лакей откроет двери.
Отель «Шератон», сама себе не верю.
Отель «Шератон», подхватит чемоданы.
Отель «Шератон», неведомые страны.

Ведет меня в горку кривая,
В Парижах бываю и в Боннах.
И запросто там проживаю
И в «Хилтонах», и в «Шератонах».
По белому свету летаю
За йены, за марки, за кроны,
Но лучшей едою считаю
Котлеты, а к ним макароны!

Старый трамвай

Век свой доживающим трамваем
Покатилась в прошлое любовь.
Кто-то остановки называет,
Нам не разобрать забытых слов.
На один не сходится билетик —
И желаний исполненья нет.
В наш трамвай подсядет кто-то третий
И счастливый оторвет билет.

Нарисуй на стекле вопросительный знак,
Нарисуй на стекле восклицательный знак.
Пусть колеса стучат сердцу в такт, сердцу в такт —
Вопросительный знак, восклицательный знак.
И подумает кто-то – здесь что-то не так —
Вопросительный знак, восклицательный знак!

Рельсы старым улицам мешали,
Звон трамвайный улицы будил.
Что-то долго мы с тобой решаем —
Кто-то первым должен выходить.
Поворот. Качнулся наш вагончик.
Прошуршала ветка по стеклу.
Круг мы завершили, путь окончен
У вчера и завтра на углу.

Время

Видишь, стрелки мчатся к утру,
Значит, мне пора уходить.
Мы с тобой играли в игру,
Но никто не смог победить.

Время очень строгий судья,
На часы с тоской не смотри.
Не смогли ни ты и ни я
Знать всех правил странной игры.

Слышишь, плачет ветер в трубе,
Будто кто обидел его.
Может быть, напрасно тебе
Я не обещал ничего.

Отведи заплаканный взгляд,
Сигаретку дай докурить.
Время не вернется назад,
Так зачем о нем говорить.

Серым легким облаком дым
Уплывает под потолок.
Может быть, мы слишком спешим
Подвести печальный итог.

Может быть, тебе или мне
Кто-нибудь сумеет помочь…
Видишь, тают звезды в окне,
Завершая долгую ночь.

Посланник добра

Это было давно, а быть может, вчера.
Жил на свете небесный посланник добра.
И неспешным движеньем точил он перо,
Разжигал золотистое пламя свечи.
И пером по бумаге водило добро,
И волшебные сказки рождались в ночи.
Всем, кто есть на земле, он придумывал роль:
Потешая народ, топал голый король,
От любви оловянный солдатик сгорал.
И к Дюймовочке эльф в дивный сад прилетал.
А принцесса крутилась всю ночь напролет —
Под матрацем горошина спать не дает,
Белый лебедь кружил, гордо крылья раскрыв,
И о том, что был гадким утенком, забыв.
А Снежная королева надменно-злая
В лед превратила сердечко Кая,
Но в добрых сказках счастливый конец,
И тают льдышки застывших сердец.
Так что зря беспокоится
Маленькая разбойница —
Волшебница добрая явится
И с дамою снежной справится.
Огниво пылает в руках у солдата,
У бедной русалочки сердце замрет,
А сказочник Ганс подмигнет хитровато,
Пером проведет и кого-то спасет.
Ах, Ганс Христиан, что за чудо такое,
Еще не умея читать и писать,
Уже мы все знаем про Оле Лукойе,
И с Гердой готовы мы Кая спасать.
Давно на планете другие столетья,
Но, сколько ни будет кружиться Земля,
Все так же читают всем детям на свете
Про новое платье того короля,
Все так же читают мальчишкам, девчонкам
Про гордого лебедя с гадким утенком,
Про даму с холодным заснеженным взглядом,
И кажется, Андерсен, ты где-то рядом,
Волшебные буквы выводит перо,
И в сказках всегда побеждает добро.

Гусиное перо

Это было давно, и прошло много лет,
Жил на свете печальный и умный поэт.
Разжигал вечерами он пламя свечи,
И стихи на бумагу ложились в ночи.
У поэта товарищ был – преданный гусь.
Он поэта любил, знал стихи наизусть.
Он дарил вечерами поэту перо,
И пером по бумаге водило добро.

Гусиное перо, гусиное перо —
Ну что это такое? – смешно и старо.
А гусь хочет нужным быть людям
Не в яблоках сладких на блюде,
Не пухом, в подушки набитым,
А словом в стихах знаменитым.

Мне недавно случайно слыхать довелось,
Что к потомку поэта пришел странный гость.
А поэт в это время поэму писал,
Что-то рифма не шла. Он в затылке чесал.
Странным гостем был гусь. Был поэт удивлен.
Гусь слегка был смущен, но вполне окрылен.
Подмигнул он потомку поэта хитро,
И на счастье ему протянул он перо.

Сонет

Растерян Гамлет – в Датском королевстве
На троне зло, интриги и борьба.
И как же жить на этом свете, если
Так вероломна к Гамлету судьба?

Но вот на сцене, весь исполнен страсти,
Высоцкий-Гамлет, рвется связь времен.
Он предан, жизнь расколота на части,
Но на вопрос ответ находит он.

Конечно, быть, любить, впадать в сомненья,
Наперекор кипящим волнам плыть.
И, перейдя в другие измеренья,
Остаться с нами. Вечно рядом быть.

Шекспир, скажите, правда ли всерьез
Вы этот странный задали вопрос?

Во все времена…

Что за тяга к старинным вещам,
К оборотам ушедших мгновений?
Словно кто-то тебе завещал
Не предать дни былые забвенью.

Погаси электрический свет,
Теплым воском пусть плавятся свечи.
Поплывем вспять течению лет
В чьи-то страсти, разлуки и встречи.

Во все времена светила луна.
Любовью любовь называлась.
На смену балам плыла тишина
И снова балами взрывалась.
И кто-то в ночи шептал имена.
Так много веков продолжалось.
Во все времена светила луна,
И нам она тоже досталась.
Мы откроем старинный сундук,
Пыль времен отряхнем мы с событий,
И забытый, таинственный звук
Из реки дней ушедших к нам вытек.

И в камине огонь затрещал,
Нам поведали сказки поленья…
Что за тяга к старинным вещам,
К оборотам ушедших мгновений?

Олеша

Во дворах арбатских август загулял,
Потихоньку удлиняя ночи…
Девочке арбатской как-то я сказал:
– Ольга, будет все, как ты захочешь.

А жизнь наша – зебра, в полоску она,
За белой полоскою – темная.
Но ты, моя зебра, такая одна,
Что темных полосок не помню я.
И снова гуляет в арбатских дворах
Твой август, чуть-чуть повзрослевший.
Он – жизни твоей золотая пора,
Олеша, Олеша, Олеша.

На тебя молиться, как на образа,
Небесами я уполномочен,
Потому что, помнишь, я тебе сказал:
– Ольга, будет все, как ты захочешь.

В августовском небе тает стрекоза,
Как ее полет красив и точен.
Не жалел ни разу, что тебе сказал:
– Ольга, будет все, как ты захочешь.

Оленька, Олеша, времечко идет,
На гору дорожка все короче.
Но, как обещал я, так произойдет:
Ольга, будет все, как ты захочешь!

Петр I

Мужики, стригите бороды!
Мы сидели до поры.
На постройку чудо-города
Доставайте топоры.
Царь великий Петр Первый
Щекотал народу нервы.
Лихо черный ус закручивал —
Мол, старайтесь, все получится.
Все сумеем, все осилим,
Станет Первою Россия.
И от огненного взгляда
Трепетал вокруг народ —
Царь велели, значит, надо.
Создадим российский флот.
Сложит пальцы мужичонка,
Даст по горлу щелобанчик,
И, пожалуйте, водчонка —
Забирайте свой стаканчик.
Кто не выполнить посмеет
Хоть один приказ царя,
Ой, поплачет, пожалеет.
Мол, не слушался, а зря.
Ради дел, а не проформы
Петр творил свои реформы.
Для России, не для славы
Бил он шведов под Полтавой.
Двухметровый, жарколикий
Петр Великий!

Венецианская серенада

Летели звезды и качали ветки сада,
И был полет их похож на танец.
Пел этой ночью под балконом серенаду
Венецианке венецианец.

Ему прелестница лица не открывала,
Внимая звукам в красивой маске.
И вся Венеция в одеждах карнавала
Была фрагментом волшебной сказки.

Века застыли в очертаниях каналов,
Где гондольеры гондолы гнали.
И кантилена над Венецией звучала,
Венецианки всю ночь не спали.

И как уснуть, когда чарует ночь-колдунья,
А воздух страстью любовной дышит,
И, будоража кровь, горячий ветер дует
Над островерхой старинной крышей.

Пусть серенада не смолкает под балконом
И что-то в сердце девчонки дрогнет,
Она amore в темноте прошепчет сонно
И перестанет быть с милым строгой…

Юбилей концертного зала «Россия»

На юбилей такого зала
Хотела я создать поэму,
Но тетка мне одна сказала —
Я дам тебе, Лариса, тему.

Поздравляю с юбилеем,
Но позвольте мне сейчас
Изложить вам, как сумею,
Этой женщины рассказ.

…Я жила одна на свете,
Никому не нужная.
У других мужья и дети,
И котлеты к ужину.

Я ж уставлюсь в телевизор —
В моем темном царстве свет,
И гляжу чужие жизни,
Раз своей-то жизни нет.

О какой-то жизни личной
Я мечтать не думала,
На концерт билетик лишний
Мне соседка всунула.

Что ж, пойду, коль пригласили,
Подвела чуть-чуть глаза
И поехала в «Россию»,
Главный наш концертный зал.

А концерт был – то что надо,
Пели звезды всей страны,
Сел мужик со мною рядом.
Симпатичный. Без жены.

Правым глазом я на сцену,
Ну а левым на него.
Хоть я всем им знаю цену,
Этот вроде ничего.

Мы пошли в буфет в антракте,
Он купил конфеток мне,
И сказал, что мой характер
Ему нравится вполне.

Из «России» вместе, в общем,
Возвращались мы домой,
Целовались, дальше – больше,
И к утру мужик был мой.

Расписались мы красиво,
И неделя не прошла.
Знаешь, если б не «Россия»,
Где бы я его нашла?!

Так одна б и куковала,
Да одна б ложилась спать.
Видно, свойство есть у зала —
Людям судьбы исправлять.

Если ты пойдешь в «Россию»
Выступать, или чего,
Передай им там спасибо
От меня и от него.

Я это все вам рассказала
И вот до сути добралась.
Ведь жизнь моя с судьбою зала
Уже давно переплелась.

Я все люблю – людей, и стены,
Все перечислить не смогу!
За то, что я на этой сцене,
Перед Всевышним я в долгу!

Дай Бог вам всем побольше силы!
И долгих, добрых, светлых лет!
Живи, концертный зал «Россия»!
И всем дари свой добрый свет!

Любовь безответная

Город у моря,
Плещутся волны,
Ночи короткие, летние.
Может, потом ты
Даже не вспомнишь
Эту любовь безответную.

На твоей ладони горячий песок,
Ты ничего понять в это лето не смог,
А я в тебя влюбилась,
Любовь закатилась
За небо рассветное.
Лето пролетело, его не вернешь,
Цена воспоминаньям – лишь ломаный грош,
И в городе том южном
Была тебе ненужной
Любовь безответная

В осень уедешь,
Зонтик раскроешь,
Время растает бесследное.
Может, потом ты
Даже не вспомнишь
Эту любовь безответную.

Пьеро и Арлекин

Печаль Пьеро светла,
Он любит Коломбину,
Но сердце отдала
Девчонка Арлекину.
По белизне щеки
Текут беззвучно слезы.
Летит флюид тоски
От этой скорбной позы.
А Арлекин смеется
Над всем происходящим.
Ему все удается,
Он рыцарь настоящий.
И, ветреная кукла,
Ликует Коломбина,
Известна ей наука,
Как приручить мужчину.
Женщины – коварные устройства,
Из-за них всегда одни расстройства.

Да, все мы печальны порой
И счастливы вдруг без причины.
Ведь все мы немножко Пьеро,
Ведь все мы чуть-чуть Арлекины.

Ах, маэстро!

Звезд рассыпанных брильянты
Небо темное раскрасят.
И приснятся музыканту
Звуки музыки прекрасной.

Пальцы клавишей коснутся,
Вздрогнув, клавиши проснутся,
И откликнутся оркестры
Вам, маэстро! Вам, маэстро!

Маэстро, ах, маэстро!
Все ноты в вашей власти!
Маэстро, ах, маэстро!
Вы не жалейте страсти!
Вы сердца не щадите,
Вы тратьте щедро душу,
И музыка родится,
И в небесах закружит!

Ваш ночной покой нарушив,
Муза к вам войдет неслышно,
На любовь настроит душу,
Ноту главную отыщет.

И подхватят эту ноту
Флейты, скрипки и фаготы.
Вам подарит вдохновенье
Это чудное мгновенье.

Место под солнцем

Всем на земле хватит места под солнцем,
Каждый найдет, что ему суждено.
Кто не найдет, тем смириться придется —
Солнце на всех одно.

Что ждет нас завтра, мы точно не знаем, —
Сладостный миг или горестный час.
Просто мы волю небес исполняем,
Все решено за нас.

Сердце греет весна, разрывая бутоны и почки,
Душу осенью студит дождливый унылый мотив.
А судьба расставляет порой неожиданно точки,
Где поставить – решает сама, никого не спросив.

Книгу судьбы мы листаем поспешно,
Хочется знать, что там дальше нас ждет.
Что в ней написано, то неизбежно
С каждым произойдет.

Дни пролетают со скоростью света,
Так что попробуй, в седле удержись.
Все мы лишь гости на празднике этом,
С тихим названьем – жизнь.

Новый бойфренд

Мне все надоело —
Привычные лица,
Достали тусовки в угаре густом.
Но встретился ты,
Не успевший побриться,
В прикольном прикиде,
Таком непростом.

Мой новый бойфренд,
Очень классный бойфренд,
Хочу провести я с тобою викэнд.
С тобою уснуть
И проснуться с тобой,
Мой новый бойфренд,
Сладкий мой супербой!

Куда ж ты исчез?
Твой мобильник в отключке,
А я так хочу оторваться с тобой.
Мой новый бойфренд,
Ты всех бывших покруче,
Пришли мне сигнал,
Сладкий мой супербой!

Лодочка

Та ночь такая темная была,
Рука твоя, как лодочка, плыла,
А я была рекой
Под этою рукой
И лодку по течению гнала.

А лодочка качнулась на волне,
И что-то ты шептал такое мне,
Я слушала слова,
Кружилась голова,
И ползали мурашки по спине.

Ту ночь назад не вернуть,
Но ты ее не забудь,
Еще хоть раз приплыви
В лодке любви.

А часики натикали рассвет,
И больше ни реки, ни лодки нет,
Грустит пустой причал.
Где ты чуть-чуть скучал,
Когда на мой вопрос искал ответ.

Была любовь в одну лишь ночь длиной,
Теперь в реке любви мне плыть одной

А лодочка-рука
Уже так далека,
Ах, что же она сделала со мной!

Я тобою отравилась,
Милый мой, тогда,
Приплыви в ночь любви
Ко мне сюда, сюда-да-да.

Хочу! Хочу! Хочу!

Днем и ночью стрелки вертятся
Круг за кругом, день за днем,
Чтоб на миг однажды встретиться
И чтоб вечно быть вдвоем.
Жизнь, конечно, штука сложная,
Я по кругу белкой мчу,
И, наверно, невозможного
Я хочу, хочу, хочу!

На окне узоров кружево
Нарисуют холода,
Может быть, не будет нужно нам
Расставаться никогда.
Имена и знак сложения
На стекле я начерчу,
И, чтоб ты принял решение,
Я хочу, хочу, хочу!

Тихо звезды ночь таежная
Осыпает в Новый год,
И, возможно, невозможное
В эту ночь произойдет
Я, как в детстве, заклинание,
В небо глядя, прошепчу —
Чтоб исполнились желания,
Я хочу, хочу, хочу!

Овен

Ты – прекрасная дама,
Я – заметный мужчина,
Мог бы быть между нами
Очень бурный роман.
И сердечная драма,
И разрыв беспричинный,
И безумная тайна,
И коварный обман.

Быть могло совсем не так,
Может быть, во всем виновен
Наш небесный зодиак
И весенний хитрый Овен.
Может, так среди весны
Встали звезды на орбите.
Мы друг в друга влюблены
И на небо не в обиде.

Я люблю тебя страстно
И любви не скрываю,
Твои нежные губы
Я целую при всех.
В книгах связью опасной
Это все называют,
Только нас не погубит
Этот сладкий наш грех.

Мы с тобой снова вместе,
Я тобой очарован,
Я люблю твои плечи
И сияние глаз.
А в ночном поднебесье
Разгорается Овен,
А над ним кто-то вечный
Все решает за нас.

Говорят, под Новый год…

Я расскажу вам небыль,
Совсем как быль точь-в-точь.
В одном и том же небе
В одну и ту же ночь
Из тучи месяц вышел
Светить на тишину,
А над соседней крышей
Увидел он луну.

Не может быть, не может,
На правду не похоже —
На это кто-то все же
Мне будет возражать.
Чьей жизни колесница
Без чуда вдаль умчится,
И чудо не приснится,
Того мне, право, жаль.

Под кистью живописца
Картина ожила,
На ветках пели птицы,
И снег зима мела.
Бутоны распустили
Под снегом лепестки,
А люди вдруг простили
Друг другу все долги.

Но не было б у были
Красивого конца,
Когда б не полюбили
Друг друга все сердца.
Водили звезды в небе
Свой звездный хоровод.
Случилась быль, как небыль,
Как раз под Новый год.

Я не зову тебя назад

Хочу глаза закрыть. Хочу заснуть и не проснуться,
Забыть, как ты по лестнице сбегала торопливо.
Боялась оглянуться, оглянуться и вернуться,
Как будто никогда ты не была со мной счастливой.

Я не зову тебя назад,
Ты не услышишь то, что хочешь.
Твои неверные глаза
Недобрый знак бессонной ночи.

Я не зову тебя назад.
Недолгий наш роман окончен.
А налетевшая гроза
Дождем поставит многоточье.

Брожу я, как потерянный и что-то потерявший.
А вечер в окна ломится, холодный и дождливый.
Грущу я о тебе, моей судьбой так и не ставшей,
Как будто никогда ты не была со мной счастливой.

Молчит рояль заброшенный, и ты не тронешь клавиш,
С утра не намурлыкаешь знакомого мотива.
Ну кто бы мог подумать, что ты вдруг меня оставишь,
Как будто никогда ты не была со мной счастливой?!

Арине Крамер

Однажды вечером на даче,
На хлеб намазав конфитюр,
Юдашкин, Зайцев и Версаче
Вели беседу ОТ КУТЮР.
На свет летели мотыльки,
Луна закрылась облаками,
Чай попивая, мужики
Болтали о прекрасной даме.
Спросил Версаче: – Кто такой
Бутик отгрохал на Тверской?
Юдашкин вздрогнул. Зайцев замер,
И грянул хор: – Арина Крамер.
Она всех кутюрье покруче,
И вещи у нее покруче.
Арина туго знает дело
И пол-Москвы уже одела.
«Аншлаг», а также «Песню года».
Сегодня на Арину мода.
Был Зайцев явно озабочен —
Да, наше дело плохо очень.
Юдашкин стал белее мела —
Да, с Крамер надо что-то делать.
Настал решающий момент.
Она – опасный конкурент.
Чай остывал. Летела ночь,
Борясь с превратностью судьбы,
Решали, как себе помочь
Три кутюрье, нахмурив лбы.

А в это время над Европой
Метался лайнер тут и там.
И заполнялись гардеробы
Крутых московских супердам.
И в «Пионере» на Тверской
Народ толпился день-деньской.
Его прекрасная хозяйка
Великодушна и мила,
Всех называя Котик, Зайка,
Полмагазина раздала.

И каждый уносил в руке
Пакетик с вензелем АК.

Есть у Арины Крамер тайна.
Без тайны женщина пуста.

Но знаю точно – не случайно
Поет она и неспроста.
Господь Арине голос сладкий
Ко всем талантам дал в придачу.
И осенила вдруг догадка
Трех кутюрье в ту ночь на даче.

Сказал Юдашкин: – Выход прост.
Нет на эстраде новых звезд.
Всем надоела Пугачева,
А, значит, нужен кто-то новый.
А Зайцев выкрикнул: – Ура!
Нам поп-звезду родить пора!
У Крамер есть диапазон,
Спокойно может спать Кобзон.
Она споет – всем звездам вмажет,
Ей псевдоним не нужен даже!
А мы все устраним помеху, —
И зазвенел счастливым смехом.

Подвиньтесь, звезды, на эстраде,
Она красива и умна.
Она придет в таком наряде
И так споет, что вам хана!
Да, ты звезда, Арина Крамер,
А чтобы свет твой не погас,
Я помогу тебе стихами,
А ты мне платьем. Как сейчас.

Кинотавр

Как бы время ни спешило,
Ни стирала память след,
Остается все так живо
В километрах кинолент.

Пусть напрасно утверждают —
Все не вечно под луной,
Кинотавры зажигают
Вечный звездный свет земной.

В темном зале на экране
Кто-то нам подарит вновь
И надежды, и страданье,
Смех, и слезы, и любовь.

Наша жизнь – кино цветное,
То печалит, то смешит,
Может душу успокоить,
Может вызвать боль души.

Все знаки зодиака
Изучены давно,
Но сколько звезд под знаком
По имени Кино.
То радостно, то грустно,
То страшно, то смешно,
И все это – искусство Кино.

Эдуарду Успенскому

Ах, Эдуард, у Вас такое имя!
Оно к лицу любому королю!
Я на ТВ встречалась и с другими,
Но только Вас я истинно люблю!

Когда вошли Вы в гавань, словно крейсер,
Найдя свой путь без компаса и карт,
Со всей страной совпали интересы,
Все корабли к Вам в гавань, Эдуард!

Я не одна, за мной таких же тыщи,
Вы, Эдуард, наш идол, бог и культ!
Все по субботам с Вами встречи ищут,
Терзая нервно у экранов пульт.

О Вас, Успенский, толпы женщин бредят,
Команды ждут: – Внимание, на старт!
И побегут, вопя истошно: – Эдик!
И только я шепну Вам: – Эдуард!

Я зарычу разгневанным гепардом,
Потом взорвусь, как тысячи петард.
Вы только мне скажите слово: – Надо! —
И я на все готова, Эдуард!

Что ж, Эдуард, командуйте парадом,
И голос Ваш подхватит каждый бард.
Пусть вся страна поет за Эдуардом,
Мы все – матросы Ваши, Эдуард!

Позади печали

Хочешь, мы с тобой уплывем
В голубые дали.
Хочешь, мы с собой не возьмем
Беды и печали.

Белый пароход прогудит,
Медленно отчалит.
Радости у нас впереди,
Позади печали.

Хочешь, мы с тобой улетим
К птицам в поднебесье.
Вместе будем слушать в пути
Звуки птичьих песен.

Пролетим снега и дожди,
Солнце повстречаем.
Радости у нас впереди,
Позади печали.

Хочешь, никуда не пойдем,
Телевизор включим.
Пусть плывут за нашим окном
В синем небе тучи.

Другу позвоним: – Заходи,
Вместе выпьем чаю.
Радости у нас впереди.
Позади печали.

Вызов стюардессы

Был день как день – один из ста.
Сел в самолет, журнал листал.
Мне правила полета все известны.
Я пристегнул щелчком ремень,
Сидящий рядом джентльмен
Нажал на кнопку ВЫЗОВ СТЮАРДЕССЫ.

Она пришла, так хороша,
Что с места сдвинулась душа,
Упало сердце вдруг от перегрузки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.